

Сара Блейк

ТЕНИ НАШЕГО ПРОШЛОГО

ИСТОРИЯ СЕМЬИ МИЛТОН

*Умная, глубокая,
амбициозная,
захватывающая...*

Пола Маклейн,
автор бестселлера
«Парижская жена»

Сара Блейк

**Тени нашего прошлого.
История семьи Милтон**

Издательство «Синдбад»

2019

Блейк С.

Тени нашего прошлого. История семьи Милтон / С. Блейк —
Издательство «Синдбад», 2019

ISBN 978-5-00131-351-9

«Тени нашего прошлого» – роман о судьбах трех поколений Милтонов, нью-йоркской семьи из тех, о которых говорят: «они правят миром». 1935 год. Китти и Огден Милтон на вершине счастья – они молоды, красивы, любят друг друга, у них прекрасные дети... Но идиллию разрушает трагедия – в результате нелепой случайности пятилетний сын выпадает из окна их квартиры на четырнадцатом этаже. Пытаясь как-то отвлечь Китти, Огден покупает остров Крокетт-Айленд с большим красивым домом на нем. Здесь все дышит покоем и безмятежностью. Этот дом станет родовым гнездом Милтонов. В нем вырастут их дети, а затем и внуки... В начале нынешнего века финансовое положение уже не позволяет третьему поколению семьи владеть островом и домом. Начинаются разговоры о продаже. Эви Милтон отправляется на остров, чтобы попрощаться с домом, в котором провела так много счастливых дней. Ее случайная находка приведет к крушению мифа о безукоризненных Милтонах, столпах американского общества.

ISBN 978-5-00131-351-9

© Блейк С., 2019

© Издательство «Синдбад», 2019

Содержание

Затворница	7
Глава первая	7
Глава вторая	21
Глава третья	24
Глава четвертая	27
Глава пятая	33
Глава шестая	36
Глава седьмая	41
Глава восьмая	46
Глава девятая	54
Глава десятая	60
Глава одиннадцатая	65
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Сара Блейк

Тени нашего прошлого

Эли и Гасу

А также в память о моем брате, Т. Уитни Блейке (1962–2017)

Люди заперты в истории, а история заперта в них.

Джеймс Болдуин

Ей-богу, пора бы уж кому-то взяться за новый сюжет.

Вирджиния Вулф

Sarah Blake

THE GUEST BOOK

Text Copyright © 2019 by Sarah Blake

Published in the Russian language by arrangement with *Flatiron Books*. All rights reserved.

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2020

Перевод с английского Юрия Гольдберга

Фотография на обложке © Eve Arnold/Magnum Photos/East News [пер. с англ. Ю. Гольдберг]. – М.: Синдбад, 2021.

© Издание на русском языке, перевод на русский язык. Издательство «Синдбад», 2020

* * *

– Обычная история, – задумчиво произнес мужчина, стоящий у руля, разглядывая красивый заброшенный дом на холме. – Поместье – последнее, что остается от потомственных богачей.

В тот субботний июньский день на яхте их было трое. Они отправились в путь из Рокленда, в штате Мэн, намереваясь весь день бороздить воды залива. В восьми-девяти милях от берега, войдя в бухточку одного из множества гранитных островов, они увидели прямо перед собой величественный белый дом, гордость какого-нибудь капитана дальнего плавания, прямоугольное строение с длинной лужайкой, спускавшейся к лодочному сараю и причалу.

Дом нуждался в покраске. Лужайку требовалось подстричь. Крыша лодочного сарая просела, часть дранки осыпалась. Пустой причал был латаный-перелатаный.

Это было великолепное зрелище.

– Я жду, пока его выставят на продажу, – продолжал хозяин яхты. – Он сам плывет в руки.

– Кто владелец? – спросил мужчина, сидевший рядом.

– Одно из семейств, которые раньше правили миром. – Хозяин вытянул ноги, прижав босые ступни к корпусу яхты. – Белая кость.

– Белая кость? – усмехнулся второй. – Разве такие еще где-то существуют, кроме их собственного воображения?

Хозяин улыбнулся. Он сделал себе состояние совсем недавно, на здравоохранении.

– Что же произошло? – спросил мужчина, сидевший рядом.

– Думаю, все как всегда. Пьянство, апатия, тупицы в роду.

– Как их фамилия?

– Не знаю. – Он с силой надавил на гик. – Милтон? Милтонс?

– Милтон? – Третий мужчина, сидевший на носу лодки и все это время смотревший на дом, оглянулся. – Как в названии банка – «Милтон Хиггинсон»?

– Похоже, – ответил хозяин и, расправив гротовый парус так, чтобы поймать ветер, направил судно к выходу из бухты; миновав узкий проход, яхта пошла по ветру вдоль острова. Все умолкли, и дружелюбное молчание прерывали лишь команды рулевого: «К повороту» и «Под ветер», – чтобы остальные перемещали вес с одного борта роскошной яхты на другой и пригибались, не мешая гикку свободно поворачиваться у них над головой.

– У этой семьи трагическая история, – снова заговорил хозяин, когда яхта поравнялась с окончанностью гранитного хребта на острове. – Говорят, здесь кто-то утонул.

– Где?

– Прямо здесь, у тех скал. – Он указал на груды белых гранитных валунов, торчавших из воды на фоне частокола из устремленных в небо елей.

Смотреть было не на что.

– К повороту! – скомандовал рулевой. И они уплыли.

Затворница

Глава первая

Осень превратилась в зиму, а затем вернулась, но как-то неуверенно: ноябрьские холода то усиливались, то ослабевали, напоминая женщину, которая никак не может определиться с нарядом, – пока наконец декабрь, рассмеявшись, не взял дело в свои руки. А потом лед на черных дорожках парка все смотрел и смотрел в небо своим немигающим взглядом, месяц за месяцем, и холод все не ослабевал, хотя по календарю уже наступила весна, так что даже в апреле в нью-йоркском Бауэри на углах улиц мерцали жаровни, и человек, пытавшийся согреть руки, мог видеть, как языки пламени отражаются в окнах над его головой, и представлять, как эти отблески бегут вдоль авеню, минуя кварталы, до самого центра города, до теплых квартир, где люди, помедлив на пороге, выключают свет, а потом выходят из дома, закутанные в шерсть и меха, ворча по поводу холодов: «Боже правый, когда же это кончится?» – пока одним майским утром все вдруг не изменила наконец нагрянувшая весна. По всему городу детей выпускали из зимних пальто в зеленые объятия Центрального парка. «Ну вот мы и снова здесь», – подумала Китти Милтон, садясь в такси, чтобы поехать в филармонию, где ее ждала мать.

Шел 1935 год.

На Китти была мягкая шляпа колоколом, поля которой закрывали уши и отбрасывали тень на глаза, подчеркивая матовую белизну ее слегка задранного подбородка и длинной шеи. Ее стройную фигуру облекало пышное зеленое шелковое платье чуть светлее шерстяного пальто, свободно ниспадавшего на колени.

Автомобиль тронулся и поехал к Центральному парку; в ветвях вязов над головой Китти распускалась весна, форзиция вдоль тротуаров выкрикивала свои желтые новости. Китти прислонила голову к кожаной обивке салона.

«Жизнь широка, девочки, – много лет назад говорила им мисс Скривенер. – Идите по ней, распахнув объятия». Возвышаясь перед рядами школьниц, учительница – старая дева, чей жених погиб в Первую мировую, – широко раскидывала руки.

И Китти не знала, плакать ей или смеяться.

Она и вправду широка, думала теперь Китти: пришла весна, и впереди столько возможностей. Скоро из-за границы вернется Огден, а в Ойстер-Бэй куплен участок под дом. Ей тридцать. На дворе тридцать пятый. Недди пять, Моссу три, а малютке Джоан только что исполнился годик. Ее мысли заполнила приятная математика *жизни* – это слово вспыхнуло у нее на щеках и засияло в глазах, растянуло губы в улыбку. Такси тем временем свернуло на Пятую авеню.

Поймав в зеркале взгляд водителя, Китти поняла, что нужно бы отвернуться, чтобы тот не видел ее идиотской улыбки, но продолжала смотреть ему в глаза. Водитель подмигнул. Кивнув ему, Китти сползла вниз на сиденье и закрыла глаза; автомобиль нырнул в туннель, который тянулся с востока на запад под детскими площадками в парке, где играли ее дети, возмущенные тем, что утро подходит к концу и приближается время обеда; они ползали вокруг большой бронзовой статуи любимого шотландского поэта, усаживались, словно воробушки, на гигантском колене и взбирались (если им везло и няня не замечала) до массивного покатого плеча.

Но мальчикам Милтон не повезло; няня приказала им слезть, сию секунду, слезть немедленно и подойти к ней.

Мосс, средний брат – он не любил, когда взрослые смотрят на него с таким отстраненным, нахмуренным вниманием, обещавшим еще больше внимания в дальнейшем, – соскользнул со статуи слишком быстро и приземлился на голую коленку.

– Ой! – вскрикнул он и прижался щекой к горячей, оцарапанной коже. – Ауч.

Но его брат не обратил внимания на няню, стоявшую внизу и державшую их маленькую сестру Джоан на своем широком бедре; Недди продолжал карабкаться вверх, на самую макушку бронзовой головы и... что же он делал?

– Эдвард. – Няня поспешно шагнула вперед. – Эдвард! Слезай. Сию секунду.

Мальчик упадет.

Он поставил ноги по обе стороны громадной головы, у которой растрепанные бронзовые волосы закрывали уши, уперся ногами в плечи и медленно, осторожно выпрямлялся там в вышине.

Мальчик сломает себе шею.

– Эдвард, – повторила няня, на этот раз очень тихо.

Остальные дети перестали ползать по статуе и замерли, не отрывая взгляда от мальчика, который забрался так высоко. Теперь он был единственным, кто двигался на бронзовой поверхности.

– Эдвард.

Медленно, осторожно Недди разогнулся, убрал руки с головы поэта, покачнулся на долю секунды, потом восстановил равновесие и выпрямился во весь рост. Так уверенно, так высоко. Крепкий, безупречный, он стоял на плечах статуи – маленькое создание в коротких штанишках и кофте на пуговицах – и смотрел на обращенные к нему встревоженные лица.

– Мосс! – пронзительно крикнул он. – Смотри!

Мосс поднял голову и увидел над складками бронзового пиджака, над тяжелыми массивными руками, над другим мальчиком, прильнувшим к раскрытой странице гигантской книги: Недди стоял высоко наверху, улыбаясь и ликуя.

Если бы он протянул руку и сказал: «Давай, лети сюда!» – Мосс бы полетел. Потому что, когда брат зовет тебя, ты делаешь шаг вперед, берешь его за руку и следуешь за ним. Разве можно иначе? Брат был всегда впереди, всегда первый.

Не опуская головы и не отрывая щеки от колена, Мосс улыбнулся брату.

Недди кивнул и легко, без усилий снова склонился и соскользнул с бронзовой громады, слез вниз и чуть покачнулся, приземлившись на гравий.

– Отец обо всем узнает, – пообещала няня. – Это будет занесено в список.

Она сняла коляску с тормоза и грубо толкнула мальчика в плечо.

– Список, Эдвард. Ты меня слышишь?

Недди кивнул и пошел вперед.

Мосс сунул ладонь в руку брата. Мальчики шли в ногу перед коляской, держа маленькие спины прямо, словно солдаты. И улыбаясь.

Они знали, что никакого списка не будет. Дома только мама. Папа в Берлине.

И действительно, низкий черный «мерседес» Огдена Милтона только что свернул с оживленной Тиргартенштрассе, забитой двухэтажными автобусами, и решительно въехал на парковую дорожку, смыкавшуюся с аллеей Бельвю, которая тихо и торжественно тянулась через весь Тиргартен прямо до места назначения. Город у него за спиной исчез почти моментально. Огден пошел пешком между тесно стоящими липами в цвету, и его тут же окутал запах, который он неоднократно пытался описать Китти, но всегда терпел поражение. По левую руку от него за черными стволами простирался зеленый ковер одной из самых больших лужаек парка, а вдалеке блестело озеро. И повсюду в солнечном свете и ясном воздухе, парами и группами, на

велосипедах и пешком, берлинцы обращали свои лица к долгому и милому вечеру, как делали еще с эпохи кайзеров.

С непринужденной грацией человека, коронным броском которого была подача через все поле от задней линии, Милтон шагал через парк, и по элегантным движениям красиво вылепленных рук и ног можно было угадать его родословную – привычка знать, что нужно делать в любой момент, передавалась из поколения в поколение. Происходя из семьи, которая прибыла в страну сразу после «Мейфлауэра»¹ («Аристократы, Огден, а не беженцы», – как однажды поправила его мать), Огден с рождения пользовался всеми возможными преимуществами и знал об этом. В самом первом наборе Гарвардского колледжа в 1642 году учился один из Милтонов, как и в каждом последующем классе, для которого имелся молодой человек из рода Милтонов подходящего возраста. Под крыльями Университета Уайденера пряталась Милтоновская библиотека.

Глядя на его открытое американское лицо, слушая его искренний американский голос, можно было подумать: «Вот идет хороший человек. Благородный человек». Огден казался энергичным и ярким. Его положение и возможности позволяли ему преуспевать и творить добро. И он так и делал. Он верил, что можно поступать правильно. Так его воспитали. Огден принадлежал к последнему поколению, для которого эти принципы оставались незыблемыми, как шелковый кошелек.

Третий в роду Милтонов у руля «Милтон Хиггинсон» – банка, основанного в 1850 году и твердо стоящего в центре финансовых потоков США, а с недавних пор еще и Германии, – Огден Милтон принял руководство фирмой совсем молодым и поначалу держал осторожный курс, но постепенно все смелее устремлялся по ветру в бурные, перспективные воды 1920-х, завоевывая Европу своей мальчишеской улыбкой, которую сохранит и в старости, заразительной улыбкой, словно говорившей: «Разве это не чудесно? Разве это не здорово?» Подразумевая жизнь. Подразумевая удачу. Подразумевая этот мир.

У Милтонов был прекрасный винный погреб и достойный повар, и именно за их столом собирались люди, не слишком заметные в Вашингтоне, но негласно остававшиеся самыми полезными для президента. Такие семейства, как Милтоны, всегда дергали за рычаги государственной машины в тишине, не считая эту тишину странной и передавая то же мировоззрение сыновьям с раннего детства – в школах, в церквях, в летних домах среди залитых солнцем скал Восточного побережья, от Кампобелло до Кеннебанка и Ойстер-Бэй. В конце концов, Франклин Делано Рузвельт был одним из них.

Это была вторая поездка Огдена в Германию за последние девять месяцев: он был уверен, что хорошие люди, честная игра и свободные потоки капитала, направленные в нужные сундуки, будут успешно противостоять безумцам и глупцам. Именно поэтому он вкладывал огромные средства в эту страну. Именно поэтому он теперь шел к сборищу, которое расположилось на лужайке за кустами роз в конце широкой аллеи.

– Приходите обязательно, – сказал Бернхард Вальзер тем утром после ухода нотариуса, пока подписанные документы сохли на дубовом письменном столе в просторном, обитом зеленым дамасским шелком офисе «Вальзер Стил», выходившем окнами на Шпрее. – Это было самое любимое место Гертруды во всем городе.

Вальзер повернул голову к высоким открытым окнам, словно слышал ее, словно его жена, умершая много лет назад, в любой момент могла появиться на тротуаре.

– Сегодня ей исполнилось бы пятьдесят семь, – задумчиво произнес он.

Милтон достал трубку и табак, как всегда тронутый словами сидевшего напротив пожилого мужчины. Бременский аристократ, ветеран Великой войны, глава компании «Вальзер Стил», владелец одного из лучших собраний антикварных книг в Европе и одновременно чело-

¹ Корабль, на котором в 1620 г. в Америку прибыли англичане, основавшие одно из первых поселений. – *Прим. ред.*

век, который оплакивал свою жену, известную английскую красавицу – и еврейку, – в сумерках декламируя стихи Гете в парке Мейфэра, Вальзер ловко носил свои многочисленные обличья. Уникальный человек, которого невозможно к чему-либо принудить, думал Огден, набивая трубку табаком. Он не вписывается в привычные рамки.

Ни в какие рамки. Именно таким хотелось бы стать Огдену.

Пятнадцать лет назад Огден вышел из ворот Гарварда вместе с другими выпускниками 1920 года и увидел отца – тот стоял, облокотившись на новенький «форд-Т», и улыбался. «Поезжай в Европу, осмотришься, – сказал он. – Инвестируй. Найди подходящих людей и хорошие идеи и вложи в них наши деньги». Черный автомобиль переправили через океан, и за лето долговязый американец исколесил Англию и Францию, а затем направился в Германию. В последние золотые деньки осени он прибыл в Берлин, где пьянящий хаос Веймарской республики почти зримо висел на узких улочках и мощеных площадях, под крошечными лампочками, спрятанными среди переплетений виноградных лоз над головами мужчин и женщин, сидевших на открытых террасах городских пивных. После войны с востока хлынули беженцы, и в городе веяло новое, чужое дыхание, с ароматом дрожжей и соли, меда и чеснока. Много разговоров, бушующие страсти – но ни то ни другое не могло наполнить желудок.

Этим людям требовалась работа. Никто в стране не понимал этого так отчетливо и трезво, как Бернхард Вальзер. Так думал теперь – впрочем, и тогда тоже – Огден Милтон.

Так что Вальзер – в ярости от действий французов и британцев, которые воспринимал как попытку устранить немецких конкурентов, прикрываясь фальшивым пацифизмом, – довольно быстро с чистой совестью нарушил Версальский договор и с помощью таких инвесторов, как Огден, на протяжении двадцатых возрождал «Вальзер Стил». Подлинный мир гарантировали только рабочие места. Механизм, необходимый для построения сильной экономики, был механизмом мирной жизни, вне зависимости от того, что он производил: водопроводные краны, шпильки для волос или, как «Вальзер групп», крылья самолетов.

– Обязательно приходите, – повторил Вальзер, снова повернувшись к собеседнику. – Там будет Эльза. И другие люди, с которыми вы, возможно, знакомы.

Вальзер на секунду задержал на нем взгляд:

– Думаю, в этот приезд вы не видели Эльзу?

– Нет. – Огден встал. – Не видел.

Вальзер придвинул к нему толстый желтый конверт с логотипом «Вальзер группе», поверх которого стояла нацистская печать.

Огден посмотрел на конверт и улыбнулся.

– Значит, так, – сказал он.

Вальзер кивнул:

– Значит, так.

Эльза Хоффман захлопнула дверь, повернулась и опустила ключ в висящую на сгибе локтя корзинку. Улица была пуста. Никто не крутился рядом, не глазел. Никто не шел мимо. Эльза повернула направо, к магазинам на Фридрихштрассе; ее каблук цокал по Линиенштрассе, солнце положило свою длинную руку ей на плечо.

– Это прелюдия, – прошептал ночью Герхард, касаясь губами ее волос. Они лежали у открытого окна, и ночной ветер охлаждал их тела; его нога лежала поверх ее, ладонь обхватывала щеку. – Теперь у нас времена рубато, варьирования темпа, но мы не можем увидеть, где возникло зияние, не замечаем перемен. – Герхард натянул на них простыню. – Вагнер знал это: когда крадешь у слуха время, тело жаждет возвращения порядка, у нас в груди бьется потребность остановить это, исправить, потребность завершить открытый аккорд.

– Например, так. – Она подняла голову с подушки и поцеловала его.

– Да. Или вот так. – Он крепче прижал ее к себе.

Никто за ней не следил. Она шла уверенно, уже хорошо научившись не привлекать внимания. Сначала ее работа заключалась только в том, чтобы передавать записки от Герхарда другим членам группы. Потом задания стали чуть сложнее, хотя все равно казались несерьезными, чем-то вроде детской игры. В тот первый раз Франц, брат Герхарда, отвел ее в сторону, когда она стояла в очереди за шампанским в буфете филармонии, и спросил, может ли она выпить кофе в кафетерии возле отеля «Адлон».

Она внимательно посмотрела на него и кивнула.

– *Und dann?*²

– *Und...* – Он наклонился, целуя ее в щеку на прощание; его рука обвила ее талию и нырнула в карман платья. – Встанешь, расплатишься и оставишь эти деньги на столике, – прошептал он и отошел.

Сегодня ей предстояло встретить одиннадцатичасовой поезд надземки на Фридрихштрассе и просто убедиться, что за мужчиной и женщиной не следят.

– А кто эти мужчина и женщина? – спросила она.

– Неважно. Тебе не нужно знать.

Эльза должна была дождаться у подножия лестницы мужчину и женщину, держащихся за руки, и последовать за ними; женщина будет смеяться, глядя в глаза мужчине. Обычная парочка.

– Как я узнаю, что это они?

– Она оступится, и он крепче прижмет ее к себе, не давая упасть.

Это была игра.

Эльза сначала зашла в мясную лавку – там она издали кивнула герру Плауту, – потом к бакалейщику и булочнику. Мясо, яйца, картофель, хлеб.

Над улицей возвышалась башня собора; часы в очередной раз пробили три четверти. Как и каждое утро в это время – Эльза знала, потому что ежедневно точно так же ходила по улице с корзинкой через руку. Страх – вот в чем разница. *Это по-настоящему. Это не игра. Ты можешь попасть в беду. Тебя могут арестовать и увести. За то, что не так выглядишь. За то, что смотришь не на того человека в поезде.*

Если за тобой следят, не дай им ничего заметить.

По рельсам на верхних путях прогрохотал поезд, и на далекой платформе силуэты ждущих людей сбросили оцепенение и начали двигаться, словно фигурки музыкальной шкатулки.

Эльза поправила корзинку.

Мясо, яйца, картофель, хлеб. Теперь марки для конвертов. Газетный киоск у подножия лестницы.

– *Morgen*³, – она кивнула герру Йостену.

Вдалеке послышался звук приближающегося поезда.

– *Ja. Sehr schön*⁴, замечательно, – сказала она Йостену и раскрыла кошелек, чтобы достать монеты. Рельсы над ее головой загудели.

– *Bitte*⁵.

– Ваш отец, – спросил Йостен. – С ним все хорошо?

– *Ach ja, danke*⁶. – Она улыбнулась и протянула ему монеты.

Поезд остановился на верхних путях.

² А потом? (нем.)

³ Доброе утро (нем.).

⁴ Да. Очень красиво (нем.).

⁵ Пожалуйста (нем.)

⁶ О да, спасибо (нем.).

Эльза заставила себя не поворачиваться и не смотреть, взять три марки, протянутые Йостеном, положить сдачу в кошелек, кивнуть и с улыбкой поблагодарить его, как она делала каждое утро, и, наконец, повернуться и взглянуть на поезд, как смотрят на облака, внезапно закрывшие голубое небо.

По лестнице, держась за руки, спускались мужчина и женщина.

Пикник являл собой живописную картину: гости расположились на лужайке возле кольца из роз, в центре которого стояла алебастровая статуя полуобнаженной Венеры, склонившейся к своим цветам. Среди неразличимых мужчин в темных костюмах попадались ослепительно-белые мундиры рейхсвера; у двух женщин шляпы были столь широки, что казались птицами, парившими в вечернем воздухе, который обволакивал всех присутствующих, благоухающий и неподвижный. Огден услышал смех Эльзы, трепетавший, словно лента на ветру, еще до того, как заметил ее в толпе – стремительную, маленькую и энергичную, в желтом платье цвета подсолнухов и лета.

Он замедлил шаг. И увидел ее такой, как в тот первый вечер, много лет назад, в ложе городского театра, где она сидела с отцом: затылок в тусклом свете, каштановые волосы забраны наверх. Огден видел ярко-синий бархат драпировки, облезлую позолоту кресла, вжатую в него обнаженную спину. Тогда Огден – практичный до мозга костей, но впечатлительный молодой человек, к тому же в первый раз оказавшийся в Европе, – верил в свою удачу и интуицию. Ему было двадцать два. Эльза Вальзер была старше, и к тому же немкой. Все это промелькнуло в его голове за несколько мгновений до того, как Эльза повернулась и заметила в глубине ложи неловкого американца.

«*Entschuldigung*»⁷, – с трудом произнес он.

Вальзер представил их друг другу, Огден проскользнул на свободное кресло рядом с ней, и все трое повернулись к сцене, где первая скрипка как раз заняла свое место слева от дирижера; зал умолк. А когда скрипач коснулся смычком струны, а затем плавным движением извлек первую долгую ноту, Огден понял: в центре каждой человеческой жизни кроется начало – не рождение, а тот момент, когда защелка на замке откидывается и жизнь выходит наружу, устремляясь вперед.

И как всякий раз, когда он видел Эльзу после долгого отсутствия, на него нахлынуло воспоминание: она открывает ему дверь на Линиенштрассе, 32 на следующее утро после театра. Огден чувствовал: если на свете есть места, которые удерживают нас в себе, то наверняка существуют и люди, которые, как зеркало, отражают наши прежние ипостаси, давно забытые. В тот далекий день молодой Огден неподвижно стоял на крыльце перед Эльзой Вальзер, застывший и онемевший, и смотрел на женщину в дверном проеме, не зная, смотреть ли дальше или отвести взгляд. В то мгновение он представлял, что влюблен в нее.

«*Ach*, – насмешливо сказала Эльза. – Тот американец. Но он не шевелится».

Друзья, с которыми она познакомила Огдена, называли ее Мышкой, хотя Эльза не была ни тихой, ни застенчивой и совсем не походила на мышку. «Я... – Она наклонилась и похлопала его по плечу, когда они поздним вечером сидели за длинным столом, заваленным пепельницами и салфетками. – Как у вас там говорят? Под прикрытием». И улыбнулась.

– Милтон! – воскликнула теперь Эльза, заметив его, и, не отрывая от него глаз, продолжала разговор со своей собеседницей.

Он помахал рукой.

И, как и всегда при встрече с Эльзой, пока он шел под ее взглядом, проявилась пропасть между воображением и истинным положением дел. Поначалу Огден вызывал у нее любопытство, а затем, довольно быстро, стал объектом мягкого подтрунивания: состоятельный муж-

⁷ Простите (нем.).

чина, двадцатидвухлетний старичок, дразнилась она. Для Эльзы он был целиком и полностью американцем – милым и абсолютно неинтересным. Она вышла замуж за Герхарда Хоффмана, мужчину, который был на сцене в день их знакомства с Огденом, первую скрипку Берлинской филармонии, гения. Как и отец, в спутники жизни она выбрала еврея. Теперь у них был маленький сын. Огден никогда не смог бы стать мужчиной, в котором она нуждалась. Ему всегда немного, самую малость, чего-то недоставало. Правда, он до сих пор не мог уловить, чего именно и почему, и это – честно говоря – его раздражало, хотя и не слишком сильно, вроде дырки в носке. Он знал, что в нем есть то, чего она не видит.

– А вот и Милтон, – объявила Эльза на своем безупречном английском с легким акцентом. – Мы делаем вид, что не знаем его имени.

Тяжелое немецкое «р» гудело колоколом в ее словах. Огден наклонился и расцеловал ее в обе щеки, ощутив запах сирени в ее волосах.

– *Ach, so?*⁸ – Одна из женщин в окружении Эльзы протянула руку, готовая улыбнуться, но не уверенная в своем английском.

– Как ни странно, у меня есть имя, – весело ответил он. – Но Вальзеры отказываются его произносить.

– Папа любит прихвастнуть, что у него в гостях бывает Милтон. Он обожает поэму «Затерянный рай».

– Полагаю, его все же потеряли, а не нашли, – мягко поправил ее Огден.

Она ответила ему улыбкой и тронула рукой стоявшего рядом военного, до того гордого своим мундиром, что, казалось, он боялся наклониться, опасаясь помять китель.

– Рядовой Мюллер, – представила Эльза мужчину, и его рука взмыла в приветствии, которое Огдену до сих пор не удавалось принимать всерьез, хотя оно было повсюду, даже на лужайке парка весенним вечером. Билл Моффат, приятель Милтона из посольства, рассказывал, что некоторых американских туристов избивали, если те салютовали без должного энтузиазма.

– И полковник Рутцбар, – продолжала Эльза, указывая на другого мужчину, только что присоединившегося к группе; он был приветлив и подвижен. Огден сдержал улыбку. Один жесткий, другой гибкий – типичная пара немцев.

– *Heil Hitler!* – Он кивнул и снова повернулся к Эльзе: – Где сегодня ваш муж?

– Скоро придет. Ему нужно с кем-то увидеться.

– *Ach*, вечно Герхард Хоффман кому-то нужен. – Возле Эльзы возник полковник Руди Пютцграф с бутылкой шампанского и бокалами.

Как только с губ этого человека слетело имя ее мужа, на лицо Эльзы набежала тень, словно чья-то рука закрыла дверь в конце коридора.

– Нашему национальному сокровищу, – сказал полковник, вкладывая бокал в руку Огдена, – не дают скучать.

Огден кивком поблагодарил его.

– Рад видеть вас здесь, герр Милтон. – Пютцграф зажал под мышкой бутылку шампанского и достал портсигар. – Я так понимаю, вас следует поздравить?

– Разве?

– Американские деньги и нацистская промышленность. – Пютцграф предложил всем сигареты. – Вы и герр Вальзер.

Эльза вытянула сигарету из пачки.

– Немецкая промышленность. – Огден покачал головой, глядя на портсигар.

– Это одно и то же, – ответил Пютцграф. – *Natürlich*⁹.

⁸ Вот как? (нем.)

⁹ Естественно (нем.).

Огден промолчал.

– Двадцать четвертого ваш муж будет играть Вагнера? – спросил Пютцграф Эльзу, прикуривая ей сигарету. Она затянулась.

– Конечно. – Эльза выдохнула дым, глядя ему в глаза. – Согласно программе.

Пютцграф выпрямился:

– Ваш муж не любит Вагнера?

Эльза с улыбкой повернулась к нему:

– Я этого не говорила, полковник.

Огден бросил на нее взгляд. Она стояла, вытянувшись в струнку, как часовой в будке.

– *Prost*¹⁰. – Он поднял бокал с шампанским, отвлекая внимание полковника.

– *Prost!* – Пютцграф приподнял свой бокал и отошел.

Золотистый свет запутался в нижних ветвях парковых лип, смягчаясь по краям. Две лодки пересекали неподвижную, темнеющую воду озера. В сгущавшихся сумерках под деревьями светились ряды белоснежных статуй. Один из мужчин в военной форме и женщина в шляпе, подруга Эльзы, медленно двинулись к другому фонтану.

Опустившись на расстеленный плед, Эльза похлопала рядом с собой, приглашая Огдена сесть.

– Где Вилли? – спросил он, устраиваясь рядом.

– Дома. – Ее лицо смягчилось. – Спит.

– Бедняжка. Мои мальчишки терпеть не могут, когда их укладывают до захода солнца.

– Да, но здесь солнце заходит медленно.

Так и было. Даже теперь, почти в девять вечера, приближение ночи почти не ощущалось. Сумерки прятались в траве и среди опавших лепестков роз, но небо над головой расстиралось чудесной бесконечной синевой.

Пютцграф обошел с шампанским всю компанию, присоединяясь то к одной, то к другой беседе, а затем двигаясь дальше. Огден чувствовал, что сидящая рядом с ним Эльза тоже наблюдает за полковником. Чуть дальше, на дорожке, ее отец увлеченно беседовал с немецким экономистом, учившимся в Висконсине. Рядом с ними стоял директор Рейхсбанка, старый приятель Вальзера и, по мнению Огдена, дельный человек. Огден поднял руку в знак приветствия; Вальзер кивнул и отсалютовал ему бокалом.

– Ты подписал бумаги, – тихо сказала Эльза. – Это хорошо. Папе это поможет.

Огден взглянул на сидящую рядом женщину. Она смотрела куда-то мимо отца и экономиста.

– Ты в этот раз выезжал из Берлина? – спросила Эльза.

– Нет.

Она кивнула и затянулась сигаретой.

– Садись на велосипед и поезжай в любую сторону, практически по любой дороге, и все увидишь – все как на ладони.

– Что я увижу?

– Полигоны, взлетно-посадочные полосы, коричневорубашечников в лесах. Теперь мы все нацисты.

– Эльза...

– Ты мне не веришь.

– Поверить, что все нацисты одинаковы? – Он покачал головой. – Хороших людей много, их слишком много, и им есть что терять, так что они не пустят к власти головорезов.

– Но кто есть кто? – Эльза повернулась к нему. – Как их отличить? Как хоть кто-нибудь из нас сможет их отличить?

¹⁰ Ваше здоровье (нем.).

Он не отвел взгляда.

– Все начиналось так медленно, Милтон. Подступало ближе, как вышедшая из берегов река, сантиметр за сантиметром. Одна ложь, потом другая. Такая большая ложь, что должна была иметься причина, чтобы говорить такое, какая-то цель, может, даже какое-то здоровое зерно... в конце концов, Геббельса не назовешь глупым человеком...

Эльза говорила, не заботясь о том, слушает ли ее Огден; просто размышляла вслух в сгущавшихся сумерках.

– Может, коммунисты действительно подожгли Рейхстаг, хотя в этом нет смысла. Может, была какая-то причина, почему в ту ночь только в Берлине арестовали такое количество людей. Может, существовала опасность, которую никто не видел. – Ее голос дрогнул. – Но теперь мы начинаем понимать: это не пройдет. Не закончится. – Она посмотрела на него: – Но это нужно остановить.

Она восхитительна, подумал Огден, но чересчур эмоциональна. Слишком быстро склоняется к опасным выводам.

– Эльза...

– Они приступают к следующему этапу, – тихо сказала она. – Герхард уверен, что к концу года от него потребуют уйти. Поговаривают о принятии «законов».

– Но он первая скрипка. – Огден нахмурился. – Гордость филармонии.

Щелчком пальца Эльза отправила сигарету в траву перед собой.

– Теперь в стране тысячи вакансий. Рабочих мест, которые раньше занимали евреи, даже такие евреи, как Герхард. Тысячи. Так что в Германии наступило рождественское утро. – Она покачала головой. – Пришел Папа Дойчланд. С рождественским гусем и с подарками... И никто не спрашивает: «Откуда подарки, Папа? Чью елку ты обокрал?» Потому что Папа ни у кого не крал. Крали евреи. Эти рабочие места, эти дома – все это изначально принадлежало немцам. Папе нужно всего лишь вступить в партию. Тогда везде наступит рождественское утро. Вот и все.

Огден постарался скрыть свое раздражение.

– Нацисты – всего лишь головорезы. Это ненадолго.

– Милтон. – Эльза покачала головой и отвернулась. – Ты не слушаешь.

– Очень внимательно слушаю.

– Нас... обворовали. У всех на виду.

Он бросил на нее короткий внимательный взгляд. Тут раздался голос полковника Пютцграфа:

– *Frau Hoffman! Herr Milton! Meine Freunde. Ein Foto! Kommen Sie hierher*¹¹. На плед, сюда... – Он указал на то место, где сидели Эльза и Огден. Все послушно направились к пледу, подчиняясь призыву полковника.

– Ты нам нужен, – быстро сказала Эльза, склонившись к Огдену.

– Нам?

– Герхарду, – кивнула она. – И другим.

– Эльза... – запротестовал Огден. – Что я могу сделать?

– *Ach*. – Она отвернулась. – Твоя смелость по-прежнему ограничена твоим комфортом.

Он отпрянул, уязвленный.

– Ближе, – шутливо нахмурился Пютцграф. – Намного ближе.

Огден подтянул колени к груди и обхватил их руками.

– Не стоит быть такой высокомерной, Эльза. – Он смотрел прямо в объектив. – Тебе это не идет.

¹¹ Фрау Хоффман! Герр Милтон! Друзья мои. Сделаем фото! Идите сюда (нем.).

- *Eins, zwei...*¹² – считал полковник.
- Не идет? – Хриплый безрадостный смех Эльзы прозвучал одновременно со вспышкой.
- *Sehr gut!*¹³ – Пютцграф победно вскинул кулак.

Китти пересекла Центральный парк у Семьдесят второй улицы и теперь шла на восток, к реке. Она чудесно провела время. В филармонии давали Мендельсона; Китти с матерью столкнулись сначала с миссис Уильям Фиппс, а затем неожиданно с Уилмердингами. Китти посадила мать в такси, а сама решила проделать остаток пути до дома пешком. Остановившись на перекрестке, она стала ждать, когда на светофоре загорится зеленый.

На другой стороне улицы, защищенный зелеными навесами и отполированными латунными ограждениями, стоял дом номер 1 по Саттон-Плейс, один из многочисленных ничем не примечательных гранитных строений Верхнего Ист-Сайда; его выдавал только адрес: ничто в скромном фасаде не указывало на прятавшееся за ним богатство. Это было сделано намеренно. Когда в 1887-м возвели это здание, первые домовладельцы (из угловых квартир с видом на Ист-Ривер) чувствовали, что массивные, довольно вычурные особняки на Мэдисон и Пятой, принадлежавшие выскочкам вроде Фрика и Рокфеллера, не вынесли бы повторения.

Их тут и не пытались повторить, размышляла Китти, в восхищении рассматривая старое здание, невозмутимое, словно пожилой дядюшка. Ее восхищало все. Все вокруг. Солнечный свет. Этот день. Подняв глаза, Китти сосчитала этажи до четырнадцатого, где тянулись окна ее квартиры.

Даже теперь – через семь лет после того, как по возвращении из свадебного путешествия Огден молча подхватил ее на руки и понес, сменяя дорожный костюм, прямо к двойным латунным дверям, а потом в вестибюль, вызвал лифт, прижал к обитой атласом стене и поцеловал, – даже теперь, здесь, перед их домом, ее порой пронзало острое мимолетное чувство, будто все это просто игра. Она шла по дорожке своей жизни с непринужденным изяществом, легко ступая по брусчатке. Вот Китти Милтон шагает с охапкой цветов для прихожей, вот она за ланчем, вот стоит рядом с мужем, держа его под руку; ее дети появляются на свет с идеальной, здоровой периодичностью в два года. Если кто-то отмечал пункты в списке (а Китти знала, что такие люди были; она росла под пристальными взглядами сплетниц и вдов, что сидели на стульях с жесткими спинками в садиках и гостиных, располагавшихся между 12-й и 28-й улицами Ист-Сайда), то все это доказывало: Китти Хотон успешно справилась.

Принося клятву любви, почтения и послушания, Китти и не подозревала, что с Огденом будет так легко держать слово. Что она будет делать это столь охотно. Что ее желания совпадут с его желаниями. Китти была свойственна естественная сдержанность. У нее никогда не возникало потребности выговориться, раскрыть душу, резко устремиться вперед. Хладнокровная, спокойная, рассудительная, она знала, что именно эти качества привлекли к ней Ога. И все же, когда он пришел к ней в первую брачную ночь и положил ладонь на ее обнаженную руку, ее тело потянулось ему навстречу, словно внутри ее пряталась другая девушка, ждавшая этой минуты. Вспоминая об этом, Китти ощутила дрожь.

Мысль о детях, принимающих ванну, о выставленных в баре напитках на случай неожиданных гостей, о единственном приборе за длинным столом, накрытым к ужину, о приготовленной к ночи постели и задернутых занавесках наполнила ее радостью. Ее дом – полная чаша. Это вовсе не игра.

Загорелся зеленый свет, и Китти шагнула с тротуара на мостовую, навстречу двум маленьким девочкам в накрахмаленных платьях; девочки смотрели прямо перед собой и с обеих сторон держались за коляску с младенцем.

¹² Один, два... (нем.)

¹³ Очень хорошо! (нем.)

– Поторопитесь, – выдохнула няня, приподнимая передние колеса коляски, чтобы заехать на тротуар. Девочки молча взошли на бордюр, держась за коляску, как за петли подъемника.

– Нам обязательно идти в парк? – спросила старшая девочка, когда Китти поравнялась с ними.

– Да, мисс Левенштайн, обязательно.

Евреи, отметила про себя Китти, направляясь к темно-зеленому навесу над отполированной до блеска дверью, и непроизвольно выпрямилась. Маленькие еврейские девочки. Здесь, в Верхнем Ист-Сайде.

– Привет, Джонни. – Она кивнула швейцару, улыбаясь.

– Миссис Милтон, – кивнул он в ответ, придерживая для нее дверь; в руках у него был плюшевый мишка, принадлежавший Недди.

– О боже, опять? – Китти с улыбкой взяла у швейцара потрепанного мишку. – Это же игра, понимаете. Вы их только поощряете.

– Зато есть чем заняться. – Глаза Джонни смеялись. – Мне не трудно.

– Правда? – Китти изогнула бровь в знак благодарности. Под униформой – любой униформой – все мужчины прячут желание поиграть в мячик.

«Все равно нужно поговорить с Недди», – пообещала она себе, шагая к лифту по черно-белым плиткам пола. Ее сыну не следует полагаться на дружелюбие Джонни. У Джонни есть работа, и он не обязан подбирать плюшевую игрушку, которую Недди выбрасывает с четырнадцатого этажа, проверяя, умеет ли мишка летать.

Китти улыбнулась. Недди, который ни минуты не мог посидеть спокойно, Недди, которого нужно было крепко держать за руку, – он любил самостоятельно исследовать окружающий мир. Никто не готовил ее к появлению мальчиков, с их порывистыми метаниями то туда, то сюда, словно в погоне за запахом, который неизбежно приводит их к неприятностям. Маленькие хорьки.

Китти дождалась, пока кабина с гудением опустится и слегка подпрыгнет, после чего поднимется решетка и откроется дверь.

– Привет, Фрэнк, – поздоровалась Китти с лифтером и вошла внутрь.

– Миссис Милтон. – Фрэнк скользнул по ней взглядом и задвинул решетку.

В молчании они проехали четырнадцать этажей; две пары глаз наблюдали, как меняются цифры на табло. На нужном этаже Фрэнк повернул рукоятку, замедляя движение кабины, которая остановилась на уровне лестничной площадки. Затем открыл двери и замер в ожидании.

– Спасибо, – сказала Китти, мельком глянув на себя в зеркало, висевшее в центре крошечного закутка возле лифта. Щеки у нее порозовели, в глазах все еще сияло удовольствие от приятно проведенного дня.

В библиотеке горел свет. Правее предвечернее солнце подсвечивало кусочек гостиной, а за окнами виднелась яркая зеленая весна, машущая верхушками деревьев. Китти сбросила пальто, достала вешалку из кедрового платяного шкафа, просунула деревянные планки под плечики и повесила его на штангу рядом с пальто Огдена. *Мистер и миссис Милтон*. Она улыбнулась висящей в шкафу парочке, коснулась рукава мужниного пальто и уткнулась в его воротник, объятая дикой, необузданной любовью к этому пальто, к своему пальто, к прихожей и... *Нет, это просто смешно*. Она снова улыбнулась. Что за нелепость. Но радость, охватившая ее еще в такси, оставалась с ней во время концерта в филармонии, а потом в парке; ее сердце заполнял чистый свет, пока она шла домой, открывала окна, о боже, как же ей хотелось вырваться из своего тела, поняла она, отступая от шкафа и закрывая в нем два пальто.

«Огден, – подумала она, – возвращайся домой».

Когда ее кузен Данк Хотон впервые привел Ога, только что вернувшегося из Германии, на светский прием к ее бабушке, все произошло мгновенно: вот Китти с сестрой Эвелин стоят

у дверей библиотеки, скучающие и надушенные, но готовые принимать гостей на очередном музыкальном вечере, – а через мгновение все становится иначе.

Она стала совсем другой. Стоя рядом с Эвелин, она слышала шум за спиной: распахнулась входная дверь, мужской смех застучал по диванчику, обитому желтым шелком, по стульям с гнутыми ножками – *привет, Баркер, здравствуйте, джентльмены, позвольте взять ваши шляпы*, – и ворвался прямо в гостиную, где бабушкины гости искали, куда бы сесть.

«Иди посмотри, что там!» – прочла Китти безмолвный приказ в глазах бабушки. Она выскользнула за дверь и оказалась в холле как раз в тот момент, когда Данк с гордостью произнес:

– Смотри, Огден. Вот о чем я говорил...

Данк указывал на портрет ее бабушки работы Джона Сингера Сарджента, висевший над входом в библиотеку за спиной Китти (*слишком высоко*, как недовольно заметил низкорослый музейный куратор, заглянувший однажды в гости). Но мужчина рядом с кузеном смотрел не на картину.

– Вижу, – сказал он.

Китти вспыхнула.

– О да. – Данк повернулся к другу и одобрительно хлопнул в ладоши. – Да, это моя кузина Китти. Цветок совсем другой эпохи.

Молодой человек пересек разделявший их ковер и взял ее за руку.

– Огден, – представился он.

Милтона с Пьерпонт-Плейс кто угодно считал бы выгодной партией, хотя он был куда старше Китти и много времени провел за границей – поговаривали, что где-то у него есть женщина. Но у стоящего перед ней мужчины были синие глаза, худое лицо и открытая улыбка, которая, как ей казалось тогда, – ее рука лежала в его ладони – сияла для нее одной. Он опытен. Очень хорошо. Она несколько не боялась. Она не такая, как мать. Жизнь мужчины проникает повсюду, течет, как пролитая вода. А прошлое – это просто прошлое. Он пришел к ней, раскрыв объятия и сердце, и началась их история.

Всю жизнь Китти постепенно продвигалась вперед, слегка придерживаясь за шнур, натянутый между вехами женской жизни. Она твердо знала, что девушке не следует ничего говорить, пока к ней не обратятся, а открыв рот, не следует произносить ничего такого, что могло бы вызвать раздражение или беспокойство. Следовало говорить «блуза», а не «кофточка», «белое мясо», а не «куриная грудка». Хорошие манеры представляли собой основу цивилизации. Можно было точно определить, с кем следует садиться рядом, ориентируясь на поведение и манеры потенциального соседа. После еды нож и вилку требовалось положить на тарелку так, словно они стрелки часов, показывающие двадцать минут пятого. Нужно было держать спину прямо и не жестикулировать во время разговора, чтобы тебя не приняли за итальянку или еврейку. Женщине полагалось следить за садом, ребенком и светской беседой. Женщине следовало знать, как регулировать температуру в гостиной: добавить немного огня вовремя заданным вопросом или охладить накал с помощью напитков, вазы с орехами или улыбки.

В школе мисс Сара Портер научила Китти важной истине. Эту мудрость учительница получила через поколения преподававших здесь старых дев, чьи братья учились в Йеле и передали им великие слова «Правда. Верность. Честь»: твои братья, мужья и сыновья будут править, а ты будешь заботиться. Ты будешь наблюдать и предлагать, направлять и защищать. Ты будешь нести факел, и это к лучшему.

Еще был большой мир. За ним следовало пристально наблюдать. Изучать его историю, понимать причины идущих в нем войн, обсуждать и спорить на уроках. И постепенно возникала картина развития человечества на протяжении столетий; и становилось понятно, что хорошо и что правильно. Что людей может притянуть зло вопреки внутреннему голосу добродетели. Невоздержанность. Душевная скудость. Вот объяснение многих прискорбных пороков

– например, рабства. Вот в чем причина. Люди, отдельные люди не были виноваты. Их следовало учить. Направлять. Своим примером показывать, как лучше. Несправедливость и бессердечие можно преодолеть. Спокойно. Терпеливо. Без лишнего шума, не привлекая внимания.

Шум – это для плохо воспитанных.

Волнение, страх, сомнения – все это следовало держать при себе. Следовало искать добро и находить его. Женщина находила добро, указывала на него, и мужчина, воодушевленный, клал его себе в карман. Таковы были правила.

Китти слышала, как дети плещутся в ванне; нескончаемое ворчание няни барабанной дробью проступало сквозь детское щебетание. Не будучи их беспокоить, подумала она. Пусть порезвятся.

Но ее внимание привлек визг, а затем довольный смех Недди, и Китти повернула круглую ручку двери в ванную.

– Мама! – закричал Мосс.

Две мокрых головы повернулись к стоящей на пороге Китти.

– Ты взяла мишку, – с удовольствием отметил Недди.

– Взяла. – Китти с трудом удержалась от улыбки. – Но нам нужно поговорить...

– И в самом деле нужно. – Няня повернулась на своей табуретке; лицо ее было суровым. – Я сказала мальчикам, что сегодня все расскажу об их поведении.

Недди за ее спиной ухмыльнулся, зажал нос и погрузился в воду. Мосс во все глаза смотрел на мать.

– Очень хорошо, – сказала Китти, понимая, что от нее ждут строгости, что она должна что-то сказать. Но здесь, в ванне – ее мальчишки с мокрыми волосами и сияющими лицами. Недди поднялся из воды, держа в руке желтую машинку, с которой почти не расставался.

– Бултых, – сказал он и повез машинку по краю ванны. Это было так мило, так приятно.

– Поговорим после купания, – пообещала она няне. – Пришлите их ко мне в комнату, когда закончите. – Она отвернулась, чтобы скрыть улыбку, и вышла из наполненной паром ванной.

«О, – снова подумала Китти, шагая по коридору. – Вот оно. Опять». Жизнь.

В лучах заходящего солнца широкая кровать с аккуратно заправленным белым покрывалом и двумя подушками казалась больше. Окна уже закрыли; Китти посадила мишку на сиденье у окна и подняла вверх одну створку, желая впустить весь воздух, весь город – шум машин и стук каблучков по тротуару где-то далеко внизу. Вместе с глубокой темнотой весеннего вечера к ней поднялся запах тепла.

Она повернулась, сняла с запястий браслет с подвесками и золотые часы, сбросила шлепанцы, прошла в ванную, чувствуя через чулки прохладу зеленого кафеля, и повернула фарфоровые ручки крана в раковине. Оттуда хлынула ледяная вода. Испугавшись, Китти отдернула руки и увидела в зеркале свое искаженное гримасой лицо. Затем черты смотревшей на нее женщины разгладились, и Китти принялась разглядывать себя. У нее были типично хотоновские черты лица: хотоновский нос, высокие скулы над изогнутыми губами, которые теперь улыбались своему отражению и предшествующим поколениям.

«Урожденная Хотон, в замужестве Милтон, – одобрительно произнес отец, поднимая бокал на ее свадьбе. – Китти сменила одно «-тон» на другое. – Он усмехнулся гостям и заключил: – И проявила завидное благоразумие, оставшись в своей весовой категории».

Длинные обнаженные руки подружек невесты, лениво поднимавшие бокалы с шампанским, напоминали Китти лебедей с изящно изогнутыми шеями, легко и беззвучно скользящих по воде в сумерках.

«Это лучшие годы твоей жизни. – Миссис Фиппс склонилась над белой скатертью и тронула руку Китти, чтобы привлечь ее внимание. – Ты этого еще не знаешь, но это так».

Китти зарделась и кивнула подруге матери, понимая, что должна поблагодарить ее, что собеседница не хотела ее уязвить. Но она знала: пожилые женщины – воровки. Они хотят украсть твои возможности, поставить тебя на место, сунуть себе в корзинку время, которое когда-то потеряли. Даже здесь, на ее свадьбе.

Что ж, пообещала себе Китти в тот вечер, она не будет им уподобляться. Растягивая губы в улыбке для миссис Фиппис, Китти решила: какой бы мудрой она ни стала, она никогда не скажет юной девушке, что *в конце каждого луга есть ворота*.

Она взяла пушистое полотенце и уткнулась в него лицом, а опустив его, увидела в зеркале Недди и Мосса – вымытых, в халатах и шлепанцах, с расчесанными волосами. Мальчики успели тихо и незаметно войти в комнату за ее спиной, обнаружить мишку и взобраться на сиденье у окна.

Сердце у Китти замерло.

Створка окна над их головами была высоко поднята. Ничто не отделяло их от уличного воздуха.

– Слезайте, мальчики, – сказала она в зеркало.

Они не слышали. Мосс стоял на коленях, прижавшись к подоконнику. Недди встал в полный рост, выглядывая наружу – слишком далеко, – чтобы перекинуть мишку через подоконник.

Китти резко повернулась и бросилась к нему:

– Недди!

Мальчик вздрогнул и оглянулся. И Китти поняла, что не успеет. Ничто уже не спасет его от открытого неба.

А потом он просто упал.

Глава вторая

Она снова пришла в своих чистых белых кедах и теперь стоит у изножья кровати, ждет. Они на острове, в розовой комнате Большого дома. В соседних комнатах спят остальные, все спят в густой морской темноте.

– Эви, – говорит она, – нам нужно идти. Мы должны успеть, пока оно не исчезло.

– Это сон, – говорит себе спящая Эви.

– Эви. – Мать стоит и ждет.

– Я сплю, – отвечает Эви, лежа не в своей кровати и не в своей комнате; это комната, где они спали в детстве. – Я не хочу идти.

– Эви...

А когда Эви встает, мать поворачивается и, расправив плечи, быстрым решительным шагом идет по коридору.

– До свидания, бабушка Ки, – говорит Эви двери, за которой спала бабушка. – До свидания. До свидания, тетя Эвелин. Мы должны идти.

Они выходят из дома, пересекают лужайку и поднимаются по небольшому холму к кладбищу, где лежат Милтоны, маленькие гранитные бугорки с именами...

Огден. Китти. Эвелин. Мосс.

Джоан.

– Чья это? – Джоан указывает на последнюю могилу, новую, с ее именем.

– Мы думали, что ты умерла, мама.

Джоан смотрит на камень.

– Умерла, – шепчет она.

– Умерла? – Она поворачивается. – Но не здесь, Эви. Я же тебе говорила. Не...

Здесь.

Эви Милтон проснулась с этим словом на губах; его отзвук еще висел в воздухе. Она лежала в своей постели, пока фрагменты сна не встали на место, а окружающие стены не превратились в стены ее темной спальни в манхэттенской квартире, где она жила с мужем и сыном – в настоящем времени, теперь. Наступило очередное утро. Город уже проснулся. Ее сердцебиение выровнялось. Мама мертва. Уже несколько месяцев.

Пол уехал в Берлин. Сет спал в своей комнате дальше по коридору. «Король в своих покоях, в гостиной королева, – Эви прищурилась, глядя на потолок и пытаясь вспомнить слова старой детской песенки, – и вот они упали, кто вправо, а кто влево». Но Пол возвращается домой. Эви улыбнулась. Сегодня вечером Пол возвращается домой.

Верхняя соль сирены промчалась по Шестой авеню, и неумолчная городская симфония – рокот автомобилей с синкопами неразборчивых разговоров, шаги прохожих под окнами и их голоса, порой резкий речитатив чьего-то смеха – стала тише. Мир продолжал жить без Эви, внешний мир с грохотом неся вперед, а она снова была девочкой, лежала без сна в своей постели, слушая голоса взрослых, эхом разносившиеся по лестнице Большого дома на острове, а рядом в темноте спала ее кузина Мин.

Эви отбросила одеяло, спустила ноги на пол, откинула волосы с лица и села, все еще не стряхнув с себя остатки сна.

Что это было?

За цепочкой темных деревьев мелькало что-то неуловимое, окутанное туманом, оно висело там и никуда не уходило; Эви почти разглядела его в дымке за стволами – оно ходило на цыпочках, словно не хотело ее беспокоить, не хотело ни о чем напоминать, как будто прошлое внезапно подобрело. Что это бродило там, за пределами сознания, что это было?

Ей нужен Пол. Он должен помочь ей во всем разобраться. Он поймет, что это значит. Он объяснит молчание.

На письменном столе звякнул телефон.

«Вальзер, – написал Пол. – Тебе это о чем-нибудь говорит?»

«Танец?» – ответила она, дразня его.

«Имя», – подсказал он.

«Нет», – напечатала Эви и уставилась на экран. «Возвращайся», – подумала она и отправила сообщение: «Счастливого полета».

Лучи утреннего солнца тянулись по коридору, и закрытые двери комнат напоминали отверстия, пробитые на полях тетради, – ее кабинет, кабинет Пола, ванная, спальня Сета, а в конце кухня и гостиная с окнами на Бликер-стрит. Вдоль всей внутренней стены коридора от пола до потолка выстроились вишнево-красные книжные полки, которые они заказали в Беркли и перевозили с собой каждый раз, когда меняли квартиру или работу. Корешки книг, выстроившиеся по разделам и в алфавитном порядке, рассказывали историю их жизни, цветную и объемную; на полях этих книг Эви могла проследить свой путь от девочки до ученого.

«Ты же понимаешь, что мы живем в библиотеке, да? – ворчал Сет накануне вечером. – Одни только книги, книги, книги».

«И грязные носки», – вставила она.

«Мама, – твердо ответил он. – Кто-то должен поддерживать связь с реальностью».

Эви направлялась в ванную.

– Мама? – позвал ее Сет.

Эви толкнула дверь в его комнату.

– Мне уже пора вставать? – Голос из скомканного одеяла в центре кровати еще звучал полусонно.

Эви улыбнулась в темноту – опущенные шторы не впускали город в комнату.

– Десять минут, – сказала она и приблизилась к краю кровати, не спуская глаз со своего пятнадцатилетнего мальчика, который лежал совершенно неподвижно, обняв обеими руками подушку.

– Мама?

У нее перехватило дыхание – она вдруг поняла, что стоит точно так же, как во сне стояла ее мать.

– Десять минут, – повторила она и вышла, быстро закрыв за собой дверь.

Всю жизнь она сторонилась матери. Эви совсем не походила на ту замкнутую, молчаливую женщину в центре еще более молчаливого родительского дома – и не будет походить, поклялась она себе. Когда-то с ее матерью что-то случилось, сбило ее с ног, опустошило ее. Потому что Джоан Милтон – в отличие от своей сестры Эвелин, в отличие от своей матери Китти – была какой-то неопределенной. Расплывчатой. Нечеткой.

Поэтому в этот месяц без Пола, раз за разом видя этот сон, который приходил каждое утро, сон, в котором настойчивая, решительная, *энергичная* женщина брала Эви за руку и вела из Большого дома на острове Крокетта к новой могиле и что-то показывала... что она могла сделать?

Она следовала за матерью.

Эви была историком, прошлое приносило ей хлеб с маслом. Но ничто, думала она, заходя в ванную и включая воду, ничто не подготовило ее к этому легкому неотступному ощущению, которое в течение месяца делалось все настойчивее, к этому непрерывному дождю где-то на задворках сознания, – к ощущению, будто она что-то упускает, где-то допустила ошибку, будто на ее жизненном пути был какой-то поворот, какая-то дорожка, проход, мимо которого она проскочила. Где-то в прошлом был правильный путь, ведущий к цели, и она его пропустила.

Она подняла взгляд на женщину в зеркале – очень похожую на ее бабушку, Китти Милтон.

Ей требовалось что-то вспомнить. Нечто такое, что она не должна была забывать.

Глава третья

Путь домой занял почти две недели, хотя Огден забронировал место на ближайшем доступном судне. Похороны отложили, дожидаясь его возвращения. На многочисленных рядах скамей в большой каменной церкви сидели представители старого Нью-Йорка, объединенные горем, утешая себя пением псалмов, которые выбрала мать Китти. Христианский воин, кроткий агнец, мытарства... Ряды скорбящих, шляпы, чья шерсть, промокшая под майским дождем, испускала пар. Сырость. Тепло.

Огден сидел рядом с Китти, глядя прямо перед собой невидящим взглядом. Мосс и Джоан остались дома, а Недди – которого он носил на плечах, с которым играл в догонялки в парке, маленький мальчик, который хлопал его по руке и со смехом убегал, крича: «Я тебя догнал!» – лежал в дубовом гробу, прямо перед ним, там, где его поставили Огден и распорядители церемонии.

Как?

Пароход причалил позавчера поздно вечером, и домой Огден попал уже за полночь. Он тихо прошел к спальне по длинному коридору мимо двух включенных ламп на комод и толкнул дверь. Внутри была непроглядная тьма, хотя обычно в комнате всегда горел маленький ночник, на тот случай, если детям понадобится их разбудить; Огден протянул руку и, двигаясь вслепую маленькими шажками, стал ощупью пробираться к кровати, наткнулся на нее и чуть не упал. Потом осторожно положил ладонь туда, где предполагал найти руку жены. Но там никого не было, кровать оказалась пуста. Подушка была накрыта покрывалом. Огден хлопнул по выключателю. Китти не было в спальне, постель стояла нетронутая, аккуратно заправленная. Он побрел назад через пустую темную квартиру, заглянул в библиотеку, гостиную, столовую – где же она? Оказавшись на кухне, он заметил свет в дальнем коридоре, в одной из комнат для прислуги. Там он ее и нашел – свернувшуюся калачиком, с прижатыми к лицу ладонями, словно она пряталась во сне.

«Китти, – прошептал он и положил ладонь ей на плечо. – Китти». – Он осторожно отвел ее руки.

Она открыла глаза и посмотрела на него снизу вверх.

«Это Огден. – Голос у него дрогнул. – Это я».

«Огден?» – Больше она ничего не сказала.

И одно-единственное слово, колоколом звучавшее у него в голове в течение всего пути через океан, всего пути к дому, так и не прозвучало; он не смог спросить ее: как?

Все советовали положиться на время и тишину. Лучше не говорить об этом. Лучше не застревать в воспоминаниях, сказала его мать. Ужасная случайность. Видимо, было жарко. Окна все время были открыты. Время залечит раны. О некоторых вещах лучше умолчать. Все так, но Огден не мог заставить себя выговорить имя мальчика. Если бы он произнес «Недди», его сердце могло бы выскользнуть из рта.

Он взял жену за безжизненную руку; тем временем Китти, как и каждый день, бесконечно прокручивала одно и то же в своей голове, возвращаясь в ту комнату и в ту последнюю секунду, когда Недди был еще здесь, еще стоял на сиденье у окна с мишкой в руках, когда она еще могла преодолеть эти десять футов между ними и вырвать его у смерти, а не стоять неподвижно в дверном проеме; ее разум отказывался представить, как он падает там – *там?* – в своем халате и шлепанцах, еще живой. Эти мгновения были невыносимы. Еще живой. Звал ли он ее? Она надеялась, что его сознание отключилось, что мозг сам задернул шторы.

Огден крепче сжал ее ладонь. Им снова нужно встать. Священник поднял руку, благословляя их. Они встали.

Когда Недди упал, она осталась неподвижно стоять в дверном проеме. Конечно, пустое место там, где должен быть Недди, – это неправильно. Конечно, того, что она видела, не могло быть, конечно, кто-то его остановит, кто-то его поймает, кто-то придет, вернет его, закроет окно и...

«Мама?»

С сиденья у окна на нее смотрел Мосс.

Наконец она стряхнула с себя оцепенение. Стремглав пересекла ковер, схватила Мосса, крепко обняла его, шагнула к кровати и опустилась на нее, чувствуя, что ее сердце снова ожило. Мир вновь начал пульсировать, биться внутри ее своим *нет, нет, нет*, и Мосс уткнулся лицом ей в грудь и прижался к шее, а Китти обвила его руками и, закрыв глаза, стала качать. Она его не отпустит. Никогда не отпустит.

Так что она держала Мосса в объятиях, когда в комнату вошла няня. Держала, когда пришли эти ужасные люди с носилками. Не выпускала его, почти спящего, когда встала с кровати, чтобы выйти в коридор навстречу отцу с матерью.

«Недди с вами?» – спросил Мосс, повернувшись к бабушке и дедушке.

«Недди заболел, – сказала бабушка, склоняясь к внуку. – Его отвезли в больницу».

И Китти осела, рухнула на пол, прежде чем отец успел ее подхватить, словно птица, прямо наземь, подстреленная в небе птица, несчастная птица, и сын все так же крепко обнимал ее за шею, пока она падала.

«Где Недди, мама? – спрашивал Мосс в последующие дни. – Когда он вернется из больницы?»

Китти была не в силах отвечать.

«Он забудет, – утешала ее мать. – Дети забывают. Ему лучше забыть. Правда невыразима».

«Но Мосс был там, – отвечала Китти. – Он видел, как Недди упал».

«Где Недди?» – спрашивал Мосс каждый вечер.

На третий вечер Китти посадила его к себе на колени, собираясь рассказать ему, спросить: «Милый, ты ведь помнишь, что случилось, правда?» Но его маленькое тельце так доверчиво прижималось к ней, что она смогла лишь выговорить:

«Недди улетел».

«Недди улетел?» – Мосс посмотрел на нее.

Она кивнула:

«Недди улетел на небо».

Мосс прижался к ней и задумался:

«С мишкой?»

Китти крепче обняла его.

«Да, – прошептала она, уткнувшись в его волосы. – С мишкой».

– Помолимся. – Священник окончил проповедь.

– Отец наш небесный, да святится имя Твое, – произнесли голоса вокруг.

И Китти попыталась сделать то, на что до сих пор не решилась. Попыталась, но не смогла. Здесь, под сводами церкви, затерявшись среди других людей, она снова попыталась вообразить себе путь Недди до самого конца. Она твердо решила представить себе все до конца, мысленным взором проследить за сыном до самой земли. Не отпускать от себя. Чтобы в момент смерти он был не один. Но ее разум, ее измученный разум быстро убежал от той картины, которую она не желала видеть. Вместо этого она представила, как Джонни поймал мальчика и принес его к ней, и она взяла Недди на руки, а Мосса за руку и уложила мальчиков спать – как обычно. Она поцеловала Недди, пожелала ему спокойной ночи, подоткнула и расправила одеяло, глядя, как он сонно переворачивается на бок и подкладывает ладошки под щеку. А потом она точно так

же уложила Мосса, выключила свет и закрыла дверь, оставив своих детенышей, своих мальчиков, в большой комнате высоко над гудящим городом.

– Дорогая моя. – Миссис Уитерс заключила ее в объятия, пропитанные запахом пудры.

Китти позволила притянуть себя, обхватить, а затем отпустить. Миссис Уитерс вглядывалась в ее лицо.

– Тебе станет легче, – прошептала она.

Китти кивнула и улыбнулась. Как же она их всех ненавидела.

Миссис Уитерс повернулась к Огдену, приветствовавшему гостей вместе с Китти, словно это была их свадьба. Китти стояла и улыбалась, принимала соболезнования, понимая, что, если теперь на глазах у всех она даст волю слезам, пути назад уже не будет. Отец был прав. Никаких рыданий. Лучше построить внутри лестницу, лучше шаг за шагом взбираться вверх по деревянным планкам, прочь от этой ужасной, бездонной дыры. Лучше цепляться за лестницу и тащить себя вверх, вверх, прочь от картины, которую она не могла увидеть, но не могла и забыть. Недди на земле среди ног чужих людей – совсем один.

В последующие дни Огден начал ходить на работу, а Китти в церковь, хотя молиться было не о чем. Случившееся невозможно было выразить словами. Недалеко от Лексингтон-авеню она нашла крошечную церковь с обшарпанной дверью и единственным круглым окном над ней. Она приходила и сидела в этой пещере из камня, заполненной голосами незнакомцев. В воздухе реял шепот, он ударялся в потолок и осыпался вместе с зелеными и синими пятнышками, а в дальнем конце нефа горел пурпур витража. Китти сидела на твердой деревянной скамье и ждала псалмов. Когда начинали петь, она могла плакать. Она приходила в церковь, чтобы открыть рот и снова почувствовать, как сжимается, колотится, подступает к горлу ее сердце, и слезы лились вместо слов, голос прерывался и трепетал, остановленный горем. Прихожане постепенно привыкли к высокой женщине, появлявшейся каждое утро из другой части города. И не мешали ей. Она сидела одна, день за днем, беззвучно пела, и слезы катились по ее щекам, по шее, стекали за воротник платья.

Время залечит раны, говорили ей. Время унесет твою горе.

Однако же вот лежал Недди, ее вечная скорбь, а исчезала она – горе разъедало ее мозг, длинное тело червя буравило туннель, в который она могла провалиться в любую секунду. Извилистая дыра внутри, вид из которой был безжалостен и непостижим.

Огден был не в силах помочь. И никто другой тоже. Она оставила окно открытым. Она открыла окно.

Глава четвертая

Словно голоса, гудящие в телеграфном проводе, подумала Эви. Вот на что похоже преподавание истории. Можно приложить руку, почувствовать вибрацию, закрыть глаза, наклониться и напрячь слух. Если слушать внимательно, можно уловить голоса из прошлого. *Это* и есть Время.

Она стояла на углу Уэйверли и Университи-Плейс. Ее обтекали студенты, торопясь на занятия в приземистые здания, обрамлявшие парк Вашингтон-сквер. В балетках и голубом платье без рукавов, подчеркивавшем густую копну ее серебристых волос, фигура профессора Милтон посреди этой суеты притягивала к себе взгляд. «Царственная», – говорили о ней за спиной более молодые коллеги, и Эви знала, что это одновременно и пренебрежение, и знак уважения.

Медиевист по образованию, исследователь жизни женщин, профессор Эвелин Милтон начала карьеру двадцать пять лет назад, опубликовав монографию «Затворница: основная метафора патриархального дискурса от Средневековья до наших дней». В работе утверждалось, что, хотя основанием любой западной иерархии служит молчаливая женщина – понимаемая буквально в случае затворниц тринадцатого века, монахинь, которых замуровывали в кельях на краю аббатства, чтобы они молились до конца жизни, – это молчание было источником могущества и для церкви, и для монахинь. Затворница обладала властью и славой, но одновременно была жертвой. На дворе были девяностые. Переосмысление женского молчания было последним пискom моды. Книга принесла исследовательнице награды, работу и в конечном итоге постоянную должность, доставив Эвелин на окраину Манхэттена, на исторический факультет Нью-Йоркского университета.

Но теперь слово «метафора» вызывало у Эви желание бежать куда глаза глядят. А кроме того, какую бы власть ни приписывала затворнице теория, в конечном счете она оставалась женщиной, заживо похоронившей себя в каменном мешке.

Метафора – это для молодых, думала Эви, сходя с тротуара, когда на светофоре загорелся зеленый. В любом случае для тех, кто моложе ее.

Эви открыла двойные застекленные двери исторического факультета, нырнула из горячего яркого дня в прохладу мраморного вестибюля, сдвинула на лоб темные очки и прошла к лифту, кивнув по дороге парочке студентов, чьих имен не могла вспомнить.

Дверь лифта закрылась, и на латунной панели замелькали цифры этажей, вспыхивая и угасая, как недолговечные звезды. Стоя с прямой спиной, Эви понаблюдала за ними, затем опустила взгляд на блестящую стенку и с удивлением поняла, что отражавшаяся там женщина с серебристыми волосами – это она.

Она все время забывает. Это *она*.

Эви скрестила руки на груди. «Не бери в голову, – подумала она, разглядывая эту женщину. – Это элегантно». Победно вскинутый кулак. Хватит обманывать себя. В конце концов, ей уже за пятьдесят, она двадцать пять лет замужем, у нее сын подросток. Да и вообще, она никогда не рассчитывала на свое тело, чтобы привлечь к себе внимание, – даже в те времена, когда было на что рассчитывать. Ее муж, Пол, хотел ее, а она хотела его, и этого было достаточно.

– Знаешь, я придумала, как называется наш возраст, – заметила на прошлой неделе Хани Шермерхорн, ее самая давняя и близкая подруга.

– Да? – отозвалась Эви. – И как же?

– Промежуточным.

– Между чем?

– Хороший вопрос. – Хани задумалась. – Между девушкой и старой каргой?

– О господи.

«Но ведь так оно и есть», – подумала она теперь. Для этого периода нет подходящего названия. Эви, которая после выпуска устремилась во взрослую жизнь, словно стрела, которая никогда не колебалась и с самого начала точно знала, чего хочет достичь, в последнее время все чаще чувствовала, что заплутала. Почему-то она уже не была уверена в том, куда идет. И даже сомневалась, хочет ли она туда идти.

Добиться должности, заправить постели, вымыть посуду, вырастить детей – все это было сделано. Колесо остановилось – и что теперь? Где, например, рассказ о сироте средних лет с седой прядью в волосах, которая с шуршанием извлекала истории средневековых женщин из скрытных и ускользающих страниц, которая твердо знала, что в жизни не бывает предопределенного сюжета, и год за годом объясняла это студентам, – и все же в последнее время тосковала именно по этому? Вопреки всякой логике, она тосковала по какому-то четкому направлению, по обещанию закономерности. По *облегчению* – она натянула на плечо ремень сумки, – невыносимому облегчению, которое испытываешь, зная: в мире есть всеведущий рассказчик.

Юность, подумала она, с какой-то жестокой радостью распахивая дверь аудитории, *ничего* об этом не знает.

Студенты притихли и посмотрели на нее.

Это было второе занятие летнего семестра по курсу «Введение в средневековую историю», и негласные правила игры еще не определились. Еще требовалось выяснить, что нужно профессору Милтон. Она кивнула и вытащила ноутбук, держась уверенно, словно знала ответ на любой вопрос; тишина ее явно не смущала. Потом достала из сумки маленькую книгу, сжала ее в руках и посмотрела на аудиторию.

– Если бы вы работали во второй башне Всемирного торгового центра и получили бы приказание вернуться на рабочее место после того, как рухнула первая, вы бы подчинились?

В аудитории стало совсем тихо.

– Что бы вы сделали? Я постоянно задаю себе этот вопрос. Встали бы из-за стола и начали спускаться по лестнице? Это паническое ощущение – *что делать, что делать* – и встреча с начальником, который велит вернуться на рабочее место, вернуться и ждать пожарных. Потому что таковы правила... – Она выдержала паузу. – Вы бы все равно пошли вниз? Или вернулись бы?

Эви окинула взглядом студентов.

– А если бы в 1939 году еврей попросил бы у вас укрытия, как бы вы поступили?

Она кивнула, обращаясь к сидящим в первом ряду:

– Стали бы рисковать своей жизнью и жизнью родных ради освобождения человека, превращенного в раба?

Теперь абсолютно все внимательно слушали.

– Если мы можем представить ответы на эти вопросы, значит, мы правильно начинаем семестр.

Она помолчала.

– Я бы вернулась за свой стол, – тихо сказала она. – Я повела бы себя правильно, послушно.

Эви смотрела на своих слушателей:

– А вы? Каждый из вас?

Они не отрывали от нее взгляда. Один парень опустил глаза.

«Хорошо», – подумала она, позволяя своим словам на несколько мгновений повиснуть в воздухе. Затем надела очки и раскрыла книгу.

– «После того как каменщик исчез за стеной, которую он возводил вокруг меня, я еще долго слышала скрежет его мастерка. Он был аккуратен. Старателен. В своем заточении я много часов слышала, как он ставит кирпичи, один на другой, бросает раствор и разглаживает

его, бросает и разглаживает, и даже когда я молилась, когда свет померк, а затем исчез, глина и раствор поднимались перед моим мысленным взором. Поднимались к Богу».

Эви остановилась и подняла взгляд от книги.

– Это рассказ Марии, затворницы из Сен-Леро, написанный в 1341 году, – пояснила она и продолжила чтение: – «И я невольно представляла стену, которую он построил, стену, которую он возвел вокруг меня, как будто я стояла снаружи и смотрела внутрь. Кирпичи подобны нотам – тычковая укладка, ложковая, на ребро, – и стена будет звучать, как песня, которую он складывает из глины, камней и воды. А в центре этой песни, за стеной, в тишине, вместе с кирпичами пело бьющееся сердце. Мое сердце пело Господу».

Она закрыла книгу.

– Мрак, – заметил мальчик, сидевший в центре аудитории.

В каждой аудитории всегда найдется такой студент – неважно, юноша или девушка: самозванный провокатор, который воображает себя бесстрашным, способным бросить вызов закоснелой системе обучения, задавать вопросы, отталкивать руку дающего. Эви это замечала и приветствовала. Когда-то давно она сама была таким мальчиком, скептическим и проницательным, стремилась начертать свое имя на небесах аудитории.

– Мрак? – Эви сняла очки и пристально посмотрела на парня. – В смысле здорово? Или ужасно?

– Ужасно. – Он поморщился. – Что заставляет человека замуровать себя навечно в комнате при церкви?

– Вера, – твердо ответила Эви, – и власть.

Скепсис аудитории был почти осязаем.

– Позвольте мне задать вам вопрос. – Эви отложила книгу. – К каким действиям вас побуждает подобный рассказ от первого лица?

– Вызволить ее оттуда, – ухмыльнулся тот же парень.

– Продолжайте, – сказала Эви. – Как?

– С помощью оружия. Любви. Или денег.

– Или электронной почты, – осмелев, заметил другой. – Если у нее есть вай-фай.

Все рассмеялись. Эви подошла к единственному окну в помещении и открыла его. Затем снова повернулась к аудитории, и студенты увидели, что она все еще ждет ответа.

– А если написать ее историю? – спокойно спросила Эви. – Как насчет истории?

Студенты молча смотрели на нее.

– Когда я была немногим старше вас, библиотекарь дал мне этот молитвенник затворницы, – продолжала она. – Он был маленьким, довольно потрепанным, с посеревшим от старости кожаным переплетом. Страницы стали мягкими, но на них по-прежнему явственно проступали слова. Только на одной странице одно слово у самого края было почти неразличимым.

– Какое? – спросил кто-то.

– Бог, – ответила Эви.

Теперь даже тот парень весь превратился в слух.

– Как это произошло? – спросила она. – И почему? Почему слово на полях исчезло, а все другие остались?

Студенты ждали.

– Я сидела там, в библиотеке самого холодного города Англии, держала в руках молитвенник, смотрела на страницу, и в моем сознании постепенно проступал образ затворницы, этой двадцатилетней девушки, замурованной в келье. И внезапно я поняла. Юлиана стерла слово, постукивая по нему, словно отбивала ритм. Каждый раз, когда читала эту строку молитвенника. *Бог, Бог, Бог*. Она ожила передо мной. Она была живой, была *рядом*.

Эви скрестила руки на груди.

– Но, – запротестовал парень, – откуда вы знаете, что она так делала?

Улыбка профессора Милтон была обворожительна. Впервые по-настоящему осознав сложности взгляда в прошлое, студенты всегда оказываются перед этой калиткой, какими бы умудренными себя ни считали. Разумеется, хорошие студенты. Которые действительно работают головой. Эви пересекла аудиторию и остановилась рядом с ним.

– В чем разница между историей и вымыслом?

– Факты.

– *Факты.* – Эви кивнула. – Очень хорошо.

Парень посмотрел на нее, понял, что она не шутит, вспыхнул и отвел взгляд.

Профессор Милтон вернулась к своему столу и кликнула по изображению, открытому на ноутбуке. На экране над доской появились два покосившихся, покрытых мхом надгробных камня на заросших могилах; на каждом большими буквами была написана фамилия: Крокетт.

*Здесь лежит Луиза, 31 года,
умершая 31 августа 1840,
и двое ее детей, мертворожденных*

*Генри, р. 1846, ум. 1863
Геттисберг, Пенсильвания.
Далеко от дома.*

– Подумайте, – предложила Эви. – Какие мы можем извлечь факты? – Она осторожно, бережно обращалась с этим словом, словно то было слегка подпорчено.

– Всё, – подала голос девушка, выступавшая на первом занятии. – Все указанное действительно произошло.

– Так, – согласилась Эви. – Хорошо. А теперь, где начинается история?

Все снова посмотрели на надгробия.

– Геттисберг, – ответил парень с копной кудрявых, как у горгоны Медузы, волос.

Его соседка покачала головой:

– Далеко от дома.

Эви снова скрестила руки на груди.

– Видите?

Один за другим студенты обратили взгляд на нее. Она улыбалась.

– Вот шестнадцатилетний или семнадцатилетний парень по имени Генри, погибший при Геттисберге, далеко от дома¹⁴. Это факты. Но вы, – она кивнула кудрявому студенту, – напишете историю сражения, захватывающую и величественную, я в этом не сомневаюсь.

Она была абсолютно серьезна. Парень почти поверил, что и правда напишет эту историю; профессор не подшучивала над ним.

– А вы, – обратилась Эви к девушке, – можете написать историю о сдвигах той эпохи, о переселении тех парней с Севера на Юг и о том, как это повлияло на Америку конца девятнадцатого века. Ваша история покажет, что такое «далеко от дома». Например, что входит в понятие *дом*? Очень интересно.

– Не только парни, – заметила девушка с афрокосичками, подхваченными шарфом на макушке. – Были еще скитающиеся освобожденные рабы. Что было «домом», – в ее тоне явственно звучала насмешка, – для них? Нужно учитывать и это.

– Совершенно верно. – Профессор Милтон повернулась к ней. – Вы абсолютно правы. Еще одна история.

Она снова обратилась ко всей аудитории:

¹⁴ 1–3 июня 1863 г. при Геттисберге состоялось сражение, которое считают переломным для Гражданской войны в США. – Прим. ред.

– Войны, эпидемии, имена на могилах рассказывают нам лишь о том, что произошло. Но *история* прячется в трещинах между ними. В необъяснимых, невидимых поворотах – когда кто-то протягивает руку, толкает определенную калитку, проходит в нее. В человеке, говорящем «нет» вместо «да»; в двух руках, сцепленных на темной улице. В двадцатилетней монахине, которая, закрыв глаза, молится в своей келье, снова и снова прикасаясь к слову *Бог*, оставляя для нас след своей веры в книге, которую мы найдем. В исчезновении этого слова, – Эви выдержала паузу, – кроется личность. Вот что такое история.

Среди юношей и девушек, смотрящих на нее со знакомой смесью недоверия и непонимания, виднелось одно или два лица, которые ответили на ее взгляд, смотрели на нее пристально и чуть нахмурившись, с любопытством, беспокойством и волнением, указывавшим, что они понимают смысл сказанного. Понимают, хотя сами еще не догадываются об этом.

Эви скрестила руки на груди и прислонилась к стене.

– За общей схемой, за великими страницами, сменяющими одна другую, за провозглашенными и отгремевшими войнами кроются вопросы. Что, если? Что произошло? *Как*? Остерегайтесь широкой властной истории, которая расстилает свой ковер во времени: одно следует за другим, неизбежно приводя к третьему. Остерегайтесь хода истории, телеологии. Нет ничего неизбежного; все опосредованно, все своеобразно, все *человечно*.

Все слушали.

– История внутри нас. Наша история живет в нас. Склонитесь пониже и прислушайтесь, это ваша работа. Важен не сам *факт*, что они жили, – она интонацией выделила это слово. – Важно *как*.

Эви улыбнулась, увлекая слушателей дальше и надеясь, что они последуют за ней.

– Герои – это люди, не поместившиеся в свое время. Большинство из нас, – она снова улыбнулась, – не такие. Историю иногда делают герои, но также ее *всегда* делаем мы. Мы, люди, которые неуклюже бродят вокруг, мешают или помогают герою из преданности, упрямства, веры или страха. Те, кто воздвигает стены, и те, кто их разрушает. Те, кто на фотографии с краю. Люди, которые смотрят. Толпа. *Вы*.

Все внимательно слушали.

– Поэтому сначала нужно познать себя, – подытожила она. – А *затем* оглянуться назад и разобраться в случившемся.

Еще мгновение в аудитории сохранялась напряженная тишина, затем все расслабились. Эви преподавала уже много лет, но удовольствие от этого момента не ослабевало. Теперь курс начался по-настоящему.

Она открыла дверь и кивнула, прощаясь:

– До среды.

Студенты собрали свои вещи и вышли, и в наступившей тишине ее взгляд упал на могилы с острова Крокетт, изображение которых все еще проецировалось на экран. Эви фотографировала их в густом тумане, и вырезанные на камне буквы контрастировали с окружающей дымкой и яркой травой на земле; знакомые серые камни склонялись друг к другу, словно перешептывающиеся брат с сестрой, рядом с гранитными плитами Милтонов, от которых каждое утро во сне отворачивалась ее мать.

Эви вздрогнула.

Познать себя? Ха-ха.

На фотографии не было покрытой лишайником ограды вокруг крошечного кладбища, под которой пролезали Эви с кузенами, чтобы поиграть среди могил. Не было и дорожки, ведущей к Большому дому от кладбища через поле, где она пряталась в детстве, где подростком курила вместе с кузенами, а в двадцать лет по ночам целовалась с парнями с других островов, смеясь над чертополохом, застревавшим в ее длинных волосах. Не было ее, одной из Милтонов, которым принадлежал остров Крокетт – четыреста акров хвойного леса на одной квад-

ратной миле между гранитными берегами, обрывающимися прямо в море, – место, которое держало их и принадлежало только им.

На фотографии не было ее бабушки, Китти Милтон, сидящей на зеленой скамейке у Большого дома и глядящей на лужайку, не было тети Эвелин на гранитных ступенях перед домом, не было ее матери, Джоан, которая стоит между ними и говорит...

Эви.

Что? – раздраженно подумала Эви. Фигуры трех женщин, молча смотрящих на нее, на лужайку, предстали перед ней отчетливо, с могуществом реального воспоминания, словно она наткнулась на причину молчания, которое жило среди них, подобно клятве, подобно брошенной перчатке. Словно в тот момент что-то могло произойти. Словно что-то *действительно* произошло, но только Эви этого не видела.

На протяжении всей своей карьеры Эви с терпеливостью взломщика извлекала жизни людей из дневников, рецептов и эпитафий на могильных камнях, брала крошечные, необъяснимые моменты, чтобы дополнить портрет эпохи, сосредотачивалась на девочках с краю, на обычных женщинах, которые жили без сюжета. И в своей области она стала одной из лучших – это признавали все. Но эти трое... Эви помнила медленный поворот головы матери, нетерпеливые тетины руки, лущившие горох или пакующие корзинку для пикника, изящные движения бабушки Ки, когда та садилась в лодку или сходила на берег; и все же она никогда не могла понять, что связывает этих трех женщин, помимо острова.

(«Ничто на свете не бывает просто, – говорила бабушка. – Разве что ты герой, трус или просто глупец».)

– Ради всего святого. – Эви закрыла ноутбук, и могилы с острова исчезли.

Вот она стояла в своей аудитории и, подобно одному из своих студентов, жаждала определенности одного-единственного момента, как это бывает в старых книгах. Уверенности, что в основе каждой жизни лежит зерно, у каждого события есть начало – выстрел, эрцгерцог Фердинанд падает, мировая война, – есть причина. Угнездившееся в сердце семя, из которого прорастает объяснимая жизнь.

Но это все выдумка, фантазия. Эви знала, как в семьях вызревает и крепнет молчание. Вражда растет медленно и необъяснимо – без всяких корней. Ничего особенного, никакого сюжета. За долгие годы изучения истории Эви отчетливо поняла: она может вытащить из тьмы веков отдельные моменты, указать на точку во времени, на строчку в дневнике, на порвавшуюся синюю ленту на туфельке, соединить все это вместе и сказать: «Вот что произошло».

А история будет стоять за спиной и смеяться, смеяться.

Глава пятая

Год беззвучно менял свои краски в круговороте сезонов. Миновало лето, и зелень стала золотом, а потом серостью, потом потянулась белизна и долго покачивалась зимняя тьма; заколыхался, медленно закрутился и покатился светло-бурый, мышинный серый, и однажды – зеленый шепот, легчайшая мягкая зелень проросла в следующий день, потом в следующий, а потом внезапно, невозможно снова наступила весна. Над газетами, напечатанными и брошенными перед дверью, над афишами на улицах цвели липы и распускали свои свечи каштаны; плотный зеленый орнамент свисал с черных ветвей над Берлином. Гитлер вошел в Рейнланд, Франко двигался на Мадрид, Муссолини бомбил Эфиопию, обрушивал на нее ядовитый дождь, объявляя частью Италии.

Был конец апреля 1936 года.

– Да, буду, – ответила Эльза отцу, спускаясь по лестнице, пока тот запирает дверь. Стоял холодный весенний день, и косые солнечные лучи, проникавшие через железную решетку, не приносили тепла. Эльза укутала подбородок шарфом.

Напротив у своего узкого окна стояла фрау Мюллер, придерживая занавеску. Женщина не скрывала, что разглядывает Эльзу и ее отца, стоящего на крыльце дома.

Эльза подняла руку в приветствии.

Пожилая соседка не шелохнулась. Бернхард Вальзер медленно спустился по ступенькам и остановился перед домом рядом с Эльзой.

– Фрау Мюллер, – окликнул он. – *Guten Morgen*¹⁵.

Женщина кивнула, поклонилась и задернула занавеску.

– Ну вот. – Вальзер взял Эльзу под руку и решительно повел прочь. – Должно быть, она не видела, как ты ей машешь.

Эльза теснее прижалась к отцу.

– Она меня видела.

Вальзер не ответил.

– Она учила меня печь завитушки, – напомнила ему Эльза и поцеловала на прощание. – Каждую субботу.

– Она сбита с толку, бедняжка.

– *Tschüss*, папа, – шепотом попрощалась Эльза и быстро пошла по Тухольскиштрассе.

Бедный папа, подумала она, глядя на окна домов над головой, а потом отвела взгляд. Человек, привыкший командовать, капитан корабля, ее отец верил в корабль. Верил в людей на борту, верил, что они могут избавиться от всего неправильного. Нынешние дни обнажили зло – эта упорная, драгоценная вера, что все могут ясно его видеть, надежда, что кто-нибудь придет и остановит это, что найдутся люди, которые все прекратят, обрекала всех на гибель. Эльза перешла на другую сторону улицы и влилась в толпу на Фридрихштрассе. Остановить все это могут только они сами.

Воодушевление двухлетней давности, когда казалось очевидным, что выходки Гитлера, его чистки, его *безумства* вызовут бунт в рядах его сторонников и лишат его власти, было погашено безжалостной, неусыпной машиной рейха, действовавшей у всех на виду.

В метро стеклянная крыша над лестницей блестела на холоде. На свет поднимались группки рабочих.

Герхард ждал перед булочной «Бротхаус»; Эльза улыбнулась ему и помахала рукой, словно это было всего лишь свидание влюбленных. Он улыбнулся в ответ, расцепил руки и

¹⁵ Доброе утро (нем.).

пошел навстречу. Эльза отметила, что сегодняшний наблюдатель был ребенком, вернее, почти ребенком. Девочкой школьного возраста в синей саржевой фуражке.

Герхард обнял жену, затем развернул, и они пошли в сторону Вильгельмштрассе; муж держал ее за плечи, крепко прижимая к себе. Они шли медленно, молча, соприкасаясь бедрами, – как будто направлялись пообедать в ресторан, а затем, возможно, в темную комнату и постель.

Что ж, герр Геббельс, если евреи – *сифилис народов Европы*, то мы вас заразим, пообещал Герхард. Мы испачкаем ваши стены правдой. В последний месяц по всему городу появлялась одна и та же угольно-черная или мелово-белая фраза, написанная соратниками Герхарда. Достаточно крупная, чтобы привлечь внимание, броситься в глаза прохожим, она быстро распространялась по свежестроенным стенам домов; эти черные иголки протыкали нацистский шарик. Черные метки покрывали белые стены нацистского стадиона – белоснежного склепа безумия, просыпающегося зверя, который вздымался в небо на западе города. Каждую ночь слова закрашивали, и каждый день группа сопротивления писала их снова.

В конце короткого квартала Герхард прижал жену к стене, скрытой от посторонних взглядов углом соседнего здания. Она запрокинула голову, обняла его за шею и притянула к себе. Он крепко прижался к ней, поцеловал. И в это мгновение Эльза чувствовала: она может забыть о том, чем они заняты, может умереть здесь, в его объятиях, ей будет все равно, этот момент искупал все. Его рука скользнула ей за спину, и Эльза слегка выгнулась, чтобы он мог сделать надпись мелом или куском угля, в зависимости от цвета стены.

Герхард писал, крепко прижавшись к ней, писал и одновременно целовал, нежно и настойчиво, так же уверенно, как извлекал из струн долгую ноту своим смычком. Если бы кто-то прошел мимо, то увидел бы целующуюся парочку – плечи женщины прижаты к стене, спина выгнута, бедра упираются в бедра мужчины. И не заметил бы промежутка, в котором мужчина мог писать...

Das Nazi-Paradies ist eine Lüge.

Нацистский рай – ложь.

– *Getan?*¹⁶ – прошептала Эльза.

Он кивнул и взял ее за руку. Они ушли прочь, не оглядываясь на слова на стене.

В дверь постучали вечером, когда все собирались есть суп. Отец встал и пошел открывать.

– Вам придется подождать, – сказал он стоявшим на пороге людям. Им это явно не понравилось, но они кивнули и остались в коридоре. Со своего места Эльза видела, как они стоят и ждут. Один не снял шляпу. Это испугало ее больше всего. Ему было плевать, где он и чей это дом. Герхард не смотрел на них. Он беззвучно ел. Отец налил бокал вина. Герхард посмотрел ей в глаза. «Ешь», – говорил его взгляд. Вилли, сидевший рядом с ней, сосредоточился на том, чтобы поднести ложку ко рту, не пролив супа. Он очень гордился тем, что сидит вместе со всеми, рядом с отцом и дедом. Ему было шесть, и он только что удостоился привилегии обедать за общим столом. Эльза опустила взгляд. Взяла ложку. Весенний свет постепенно гас в листьях деревьев.

Закончив есть, Герхард вытер рот, отодвинулся и встал. Тесть посмотрел на него и кивнул. Герхард обогнул стол, наклонился и поцеловал Вилли в макушку.

– Пока, мой мальчик, – с нежностью сказал он.

– Пока, папа, – ответил Вилли, не отвлекаясь от своего занятия.

Эльза отложила ложку, повернулась на стуле и приподнялась, но ладони мужа легли ей на плечи, и она снова села.

¹⁶ Готово? (нем.)

– Эльза, – очень тихо произнес он, и она подняла голову, удерживая его взгляд.

– Да, – сказала она и закрыла глаза, когда его губы прижались к ее губам. *Любовь моя.*

Он прервал поцелуй, снял руки с ее плеч и вышел в дверь столовой. Взял пальто из шкафа, снял шляпу с вешалки, достал футляр для скрипки из комода. Эльза не видела, чтобы он укладывал инструмент. Но скрипка была там, ждала. Эльзу передернуло, и ей пришлось убрать руки со стола, спрятать под скатерть, чтобы Вилли ничего не заметил.

– Эльза, – сказал ее отец.

Она замерла.

– Куда папа уходит? – спросил Вилли.

Эльза повернулась к нему, своему малышу.

– На концерт, – ответила она под стук закрывающейся входной двери.

Глава шестая

В Нью-Йорке был обычный вечер среды, и Огден Милтон сидел в кресле в углу читального зала Гарвардского клуба – туда он заехал, чтобы выпить и просмотреть вечернюю газету, сообщавшую о вопиющем пренебрежении границами и законами. Гитлер и Муссолини, не скрываясь, вели захватническую политику. «Внимание», – призывали газетные заголовки. Но в трамваях, на проселочных дорогах, в очередях за бесплатным супом у всех на устах был вопрос: «И что с того?» Мысль о том, что в мирное время страна должна готовиться к войне, казалась людям дешевой и опасной имитацией патриотизма. Американцы не хотели об этом думать. Они были обессилены и подозрительны, а Европа была слаба. Двадцатью годами ранее она ввязалась в Великую войну и теперь была не в состоянии расплатиться по долгам. Какого черта это должна делать Америка? Люди просили соблюдать нейтралитет. НАМ НУЖЕН ХЛЕБ, А НЕ ПУЛИ, – кричали плакаты вдоль шоссе. От Европы, этой пороховой бочки, лучше было держаться подальше.

– Видел статью об обуви? – Гарри Лоуэлл плюхнулся в пустое кресло рядом с Огденом.

– Нет, – ответил Огден, опуская «Таймс» и сдерживая вздох. Они знали друг друга еще с пансиона и вместе учились в Гарварде. – Привет, Лоуэлл.

– Сейчас производится восемьдесят миллионов пар, а до 1913-го – только двадцать миллионов. Крестьяне больше не ходят босые, Милтон.

Подхваченный пьянящим энтузиазмом эпохи, Гарри Лоуэлл публиковал брошюру за брошюрой, расхваливая коммунистический эксперимент. Феодалная страна преобразуется под руководством Сталина! Крестьяне не голодают! У детей есть одежда! Великое общество! Красивый неопределенной, общей красотой, которая привлекает, но не удерживает взгляд, он относился к тому типу людей, с которыми Огден вырос и которых теперь сторонился. Любитель разговоров, напыщенных и, по мнению Огдена, пустых.

– Форпост лучшего мира, – продолжал его приятель, – должен сделать ставку на уничтожение стяжательских классов.

У Гарри над головой на панелях из полированного красного дерева висели трофеи, добытые членами клуба; буйвол Тедди Рузвельта отбрасывал тень на массивный камин.

– Уничтожение? – спокойно переспросил Огден. – Лоуэлл, да ты посмотри, где сидишь.

Гарри не стал оглядываться. В футбольной команде Гротона он играл в защите, и, насколько было известно Огдену, за все брался со страстью взмокшего грузчика, не способного различать нюансы и сложные детали. Высокие окна читального зала безмятежно смотрели на многолюдный город.

– Когда нас прогонят, – Лоуэлл не желал отвлекаться, – это не станет неожиданностью.

– Я никому не дам себя прогнать, – отрезал Огден. – Особенно абстрактным идеям. Я буду полагаться на работу достойных людей. Всегда. Людей, которые знают, чего хотят, людей, которые умеют видеть дальше остальных и понимают, как нужно действовать.

– Ха, – недовольно хмыкнул Гарри. – Аристократия, имя тебе Милтон.

– Ты, как обычно, попал пальцем в небо.

– Разве?

Огден откинулся на спинку кресла и предпочел промолчать.

– Послушай, – протяжно сказал Гарри. – До меня тут дошли кое-какие слухи, которые могут тебя заинтересовать.

– О чем речь?

– Один из островов рядом с нами выставляется на продажу. Крокетт. Я подумал, может, тебе захочется взглянуть на него. Возьми с собой Китти. Потом можете остановиться у нас в Пойнте.

– О, спасибо, Гарри. – Огден задумался. – Огромное спасибо, правда.

– Старик Крокетт хочет полторы тысячи за дом, амбар и четыреста акров земли, и...

– И?

– Понимаешь, Линдберг тоже интересовался этим местом. Хотя, насколько мне известно... – Гарри выдержал паузу, – Линди до конца лета застрял в Европе.

Огден присвистнул.

– И я подумал, что ты мог бы взглянуть первым. – Гарри ухмыльнулся. – Обставить его.

Огден улыбнулся собеседнику длинной, медленной улыбкой. Ничто не доставит ему большего удовольствия, чем подставить подножку Линдбергу. В последнее время Огден с растущей тревогой наблюдал за Линди и ясно осознал: несмотря на бесстрашие, Чарльз Линдберг оставался командным игроком лишь до тех пор, пока ему не отдавали мяч. А затем просто убегал с этим мячом. Он был из тех, кто не в состоянии сделать подачу, когда требуется, из тех, кто готов рисковать игрой, чтобы самому заработать очко. Ненадежных людей. Линдберг разрушал все, что так старательно строил Огден, пытаясь держать все под контролем.

– Линдберг совсем рехнулся, – сказал Огден. – Какого черта он в Берлине поджигает спичку под горелкой?

– Согласен, – ответил Гарри, с любопытством глядя на Огдена.

К ним подошел официант. Не желают ли они выпить?

Оба отрицательно покачали головой.

– Кстати, – сказал Гарри. – Отец говорит, Вальзер отправляет сюда свою коллекцию рукописей для выставки в Гарварде.

В то первое лето, в 1920-м, Гарри с Огденом оба бывали в доме Вальзера на Линиенштрассе; Гарри выполнял какое-то поручение своего отца. Огден уже почти забыл, что его приятель знаком с Вальзером. Он кивнул.

– Я слышал об этом. Очень щедро с его стороны.

Гарри покачал головой:

– Нацистское позерство. Демонстрация мощи рейха.

– Он не обязан делиться своими сокровищами с миром.

Гарри фыркнул:

– Герра Вальзера не волнует мир. Прежде всего он собственник. Готов поспорить, он отправил сюда коллекцию, чтобы та осталась в целости и сохранности.

– Он бизнесмен, – осторожно заметил Огден.

– То есть?

– У бизнеса своя политика.

Гарри снова фыркнул:

– Краткая характеристика положения дел в мире.

– Он хороший человек, – ровным голосом произнес Огден, глядя на собеседника. – Он создал превосходную компанию.

– С хорошими доходами? – Гарри сцепил пальцы и глубже вжался в кресло.

– Очень.

– А его рабочие? – не унимался Гарри.

– У его рабочих есть хлеб и постоянная работа. Вальзер – один из тех, на кого мы можем рассчитывать.

– Чтобы не отдать Германию коммунистам.

– Чтобы Германия оставалась стабильной. – Огден не скрывал своего раздражения.

– Германия – самое стабильное государство на планете, – сухо заметил Гарри. – Избиения на улицах и аресты дают свои плоды. Порядок.

– Вальзер хороший человек, – повторил Огден.

– И нацист, – сурово прибавил Гарри.

– Он состоит в нацистской партии. Есть разница.

– Это синонимы, Милтон. – Гарри нетерпеливо потряхнул головой. – Пришло время изъять все вложения и показать нацистам...

– Что показать, Гарри? – Огден повернулся к нему. – Если мы сейчас выведем капитал, эта пороховая бочка взорвется.

– Да, – с жаром согласился Гарри, – и тогда Гитлер падет.

Огден покачал головой:

– Гитлер в любом случае падет, а немецкий капитал переживет нацистов.

– Значит, ты не будешь трогать свои вложения? – настаивал Гарри. – Милтон, если останешься, станешь одним из них. Разве ты не понимаешь...

– Конечно, понимаю, – спокойно перебил его Огден. – Но я сам себе хозяин, и, что еще важнее, так поступать неправильно. Миру не нужна еще одна банковская паника. Мы не можем себе этого позволить.

– Миру? – Гарри встал. – Теперь ты говоришь от лица всего мира, Милтон?

Огден удерживал его взгляд.

– Мы по-разному видим происходящее, Гарри. Но цели у нас одинаковые.

Гарри смотрел на него снизу вверх.

– Мы по-разному видим происходящее, – повторил Огден.

Гарри надел шляпу.

– Счастливо, Милтон.

– Гарри, – кивнул Огден.

Он смотрел, как приятель медленно пересекает огромный сонный зал и исчезает за дверью.

В детстве отец однажды повез Огдена на канал Эри, чтобы показать это достижение человеческого гения и инженерной мысли. Открытие и закрытие шлюзов, работа сторожа, который впускал, а потом выпускал воду, беготня вдоль узкой баржи, в то время как вода прибывала и прибывала, поворот колеса, а потом грохот водяного потока, который заворожил Огдена, а затем вспоминался все детство и юность; а после двадцати он начал понимать, что вода в шлюзе – это главный принцип, которым он мог руководствоваться в жизни. Ему нравилось представлять себя сторожем шлюза – основательным человеком, который верит в силу потока и понимает, как важно держать створки шлюзов открытыми. Это кредо в большей степени, чем что-либо другое, передавалось от Милтона к Милтону на протяжении многих лет. Милтоны были людьми с капиталом и с сильным характером. Миру – мысленно обращался Огден к Гарри Лоуэллу – требуется больше таких людей, а не меньше. Хорошие люди и разумно вложенные средства порождают мощный широкий поток, поддерживаемый вливаниями тех, кто умеет обращаться с течением.

Он встал и направился к двери.

Медленно спускаясь по широкой лестнице на тротуар, Огден увидел, что на противоположной стороне улицы собралась небольшая толпа. Приблизившись, он увидел в центре толпы мужчину, стоявшего на ящике из-под молока. Массивный, грубый, с загорелыми до локтей руками и усталым лицом, он выкрикивал один и тот же вопрос:

– Ради чего вы готовы отдать жизнь?

Прохожие, мужчины и женщины, обходили его, словно это не имело значения. Но мужчина не сдавался и швырял свой вопрос в окружающий мир, словно бейсбольный мяч в перчатку. Его не волновало, что мяч не возвращается. Он бросал его вновь и вновь, настойчиво и упорно:

– Ради чего вы готовы отдать жизнь?

Огден Милтон замедлил шаг. Этот вопрос взлетал в жаркий воздух, словно специально привлекая его внимание.

– Ради Европы? – выкрикнул оратор.

Огден остановился и принялся вглядываться в окружавшие его лица, внимательно прислушиваясь, словно за этими словами скрывалось что-то еще. Один мужчина кивал головой и раскачивался взад-вперед на пятках, скрестив руки на груди и держа ладони под мышками.

Люди не в состоянии вынести долгой неопределенности, думал Огден, наблюдая за тем, как оратор выбивается из сил на жаре. Это ведет к всплеску эмоций. К фантазиям об утопии. К несбыточным мечтам, будто система может тебя спасти, будто нынешний великий катаклизм можно победить сменой правительства. Донкихотство. Скорее всего, этот человек – очередной коммунист.

А рядом реял Гарри Лоуэлл, раздутый шарик совести. Огден выбрался из толпы и продолжил путь, оставив позади кричащего мужчину и настороженные лица. Гарри всегда был смутяном, мальчишкой, любившим устроить пожар и смотреть, кто его потушит.

И все же гнев Гарри там, в клубе, вызвал в памяти бледное лицо Эльзы в сумерках берлинского парка. Огден расправил плечи.

Они ошибаются. Просто ошибаются. Он остановился на перекрестке.

Загорелся зеленый свет, и, пока Огден переходил улицу, перед ним по ступенькам крыльца с навесом сбежала женщина; стук ее каблуков напомнил о Китти.

Он остановился.

Обладательница длинного прямого носа, волевого подбородка и длинной шеи – когда Китти впервые повернула голову, чтобы посмотреть на него, Огден не смог отвести взгляда. «Чарующая» – такой его мать объявила Китти. И была совершенно права. А Китти из высокой девушки с улыбкой, похожей на летний ветерок, превратилась в элегантную, статную женщину, и у него до сих пор перехватывало дыхание, когда она махала ему рукой из толпы.

Несмотря на прошедший год, несмотря на ее решительный прощальный взгляд каждое утро, когда Огден покидал ее после завтрака, и ее отрешенное лицо каждый вечер, когда он возвращался домой, – она оставалась его путеводной звездой. Она всегда находилась в центре. Все хорошее, все правильное горело в ней неугасимым огнем. Спокойная и невозмутимая, его жена олицетворяла идею порядка, на который не влияют мода, увлечения или страсти, порожденные эфемерным идеалом. Стройная и решительная, она могла разговорить кого угодно, создать непринужденную атмосферу для любого человека, будь то ребенок, житель Среднего Запада или сикх. Насчет последнего она сама как-то хвасталась, с озорной, такой особенной искоркой в карих глазах; и, хотя он точно знал, что она в жизни не видела ни одного сикха, это восхищало его безмерно.

Этой искорки в ее глазах Огден не видел уже много месяцев.

Люди отмечали, какими стойкими, какими изобретательными были Милтоны в своем горе, как образцово они себя вели. И на первый взгляд так все и было. Казалось, Китти взяла себя в руки и снова швырнула себя в жизнь. Она рассылала приглашения, заполняла квартиру цветами и, грациозная и улыбчивая, обращалась к гостям, одаривая их мягким и доброжелательным взглядом, обещающим приятный вечер.

Огден смотрел, как на другом конце стола она вызывает на откровенность соседа, глядя на него со своей особенной улыбкой. Слушал, как она уводит разговор от опасных берегов, улыбался, когда она улыбалась какой-нибудь глупости или шутке, – и в такие моменты был почти убежден, что она вернулась. И все же Огден слишком часто видел, как она сидит неподвижно, ничего не замечая вокруг, полная решимости вернуться в тот день и прожить его заново. Она стала непроницаемой, пестовала свое горе, словно монахиня в келье, за белыми стенами утешения, белыми стенами своего лица.

«О некоторых вещах лучше умолчать», – советовала ему мать. Поэтому он не тревожил Китти.

Но вопреки себе, вопреки словам матери, он испытывал нетерпение. Что он мог поделать? Что они оба могли поделать? Уже прошел год. Он нуждался в Китти – пусть она вернется, возьмет в руки вожжи, снова сядет на козлы и пустит экипаж в путь. Он хотел, чтобы она вернулась. Полностью. Хотел, чтобы она снова смотрела на него. Только на него. А не на пустое место рядом с ним, куда она поместила их маленького мальчика.

Огден хотел, чтобы Китти смеялась, глядя ему в лицо, как в тот ясный осенний день много лет назад, в саду ее бабушки, когда она повернулась к нему и со смехом сказала: «Я так люблю яблоки, могу ими наесться до дурноты, хорошо бы мне останавливаться после одного яблока, хорошо бы...» – и он не дал ей договорить, закрыв рот поцелуем. Это был великолепный день, терракотово-золотой, и у них все было впереди. Тот день бился у него в груди ровно и неизменно, вместе с сердцем. Обычный день, но именно тогда Огден понял, что навеки связан с ней.

С фонарного столба на углу вспорхнула чайка. Поднялась, плавно заскользила в воздухе, направляясь вдоль Пятой авеню к краю города, где начиналось море. Огден поворачивался, чтобы проследить за ней, и его горло сжимали спазмы. Подавленный и растерянный, он смотрел на безмолвное терпеливое скольжение морской птицы.

Ради чего вы готовы отдать жизнь?

Он откашлялся, не отрывая взгляда от белой птицы.

Ради нее.

Глава седьмая

Была перемена, и коридорная суматоха вздымалась под каменные своды исторического факультета. Эви прошла по белым кафельным плиткам, отперла дубовую дверь своего кабинета, толкнула плечом, проскользнула внутрь и быстро закрыла за собой дверь. Профессора Милтон не было на месте.

Шум резко оборвался. В кабинете царил необузданный беспорядок, свойственный пытливым умам. Четыре стеллажа стонали под тяжестью книг – пестрый разноцветный узор на всю стену, от пола до потолка. Вторую стену занимал массивный письменный стол, который Эви спасла во время ремонта на юридическом факультете, расположенном по соседству. В углу помещались два удобных кресла, чтобы принимать посетителей. На низком столике между ними стояли электрический чайник и три кружки – все со сколами, все сделанные ее сыном на уроках труда. От верха оконной рамы к противоположному углу тянулась бельевая веревка. На деревянных прищепках висели клочки бумаги, мишура, несколько фотографий и кожаная перчатка, обнажая движение профессорской мысли (что не принижало, а, напротив, возвышало Эви в глазах студентов).

Она бросила ключи на стол, положила сумку, остановилась под веревкой и посмотрела на фотографию Попса и бабушки Ки, найденную в квартире матери во время разбора старых вещей.

Красивые, загорелые Китти и Огден Милтон стояли, неестественно выпрямившись и глядя прямо в объектив; это было в 1936 году, когда они наняли яхту, приплыли в Пенобскот-Бэй и купили остров Крокетт. За спиной ее деда виднелась мачта яхты; закатанные до локтей рукава его суконной рубашки открывали мускулистые предплечья и дорогие тонкие часы на запястье. Одной рукой он обнимал бабушку, у которой на плечи был накинут кардиган, застегнутый на одну пуговицу на шее. Ей был тридцать один год. Ничто их не затронуло. Эти двое и вообразить не смогли бы, что в семидесятых пряжа старого богатства и могущества порвется и распустится, думала Эви, изучая их профессиональным взглядом историка. Когда биржу реорганизовали, элитарная верхушка «Милтон Хиггинсон» – инвестиционного банка, основанного ее прапрадедом, – оказалась втянута во всеобщую заваруху и в конечном итоге продана огромному и алчному «Меррилл Линч». Но оттуда, из тридцатых, эти двое смотрели на Эви как хозяйева веселой вечеринки. Словно вся жизнь была веселой вечеринкой. До того, как старая аристократия лишилась своих денег. Когда еще принято было спрашивать: «Где вы проводите сезон?»

Фотография не имела отношения к текущей работе, но почему-то успокаивала Эви. Эти двое были такими уверенными, такими ясными, а их жизнь такой... бесспорной. Снимок напоминал ей о матери и о летних вечерах, когда она, еще ребенок, сидела на корточках на носу «Кэтрин», а стоящий у руля дедушка вез их – мать, тетку, всех кузенов – домой после вечеринки на одном из соседних островов, и огни Большого дома, отражавшиеся от спокойной воды, не обещали ничего, кроме штиля, – на всю оставшуюся жизнь. Свет, вода и попутный ветер.

Именно такие фотографии приводили в бешенство ее мужа, Пола. Вот они стоят, люди благородных кровей, уверенно и беспечно повернув лицо к ветру, твердо положив руки на румпель, аристократия у руля, – и ничего (рассуждал Пол), что это они привели нас во Вьетнам, интернировали американских граждан и отвернулись от евреев, хотя могли что-то сделать.

Все годы, что минули с того дня на фотографии, четыре поколения ее семьи садились за все тот же стол в доме на острове, чокались теми же бокалами, ложились в те же постели и каждую ночь слушали гудки береговой сирены. «Первозданная земля», как называл это место

Пол, всегда проводивший границу между той жизнью и тем, как жили они, два профессора с сыном-подростком, – на окраине Манхэттена в университетской квартире.

«Разве ты не видишь, что это за место?» – множество раз спрашивал он.

«Конечно, вижу, – отвечала она. – Оно смехотворное, но в то же время прекрасное и до краев наполненное...»

«Милтонами, – сухо заканчивал Пол. – Там я себя чувствую евреем сильнее, чем в синагоге».

«Мы смотрим на это место по-разному», – говорила Эви.

«Разумеется, по-разному, – соглашался он. – Я не люблю ходить под парусом, не пью скотч, и мне плевать на рынок акций».

С годами он все реже приезжал на остров, отговариваясь тем, что работает в летних библиотеках.

«Не переживай. – Эви скрестила руки на груди, мысленно обращаясь к мужу. – Наверное, в конечном итоге твоя возьмет». Неизвестно, как долго они с кузенами смогут держаться за остров. Незадолго до отъезда Пола в Берлин они обсуждали, стоит ли продать ее долю наследства и использовать эти деньги для жизни – как он выражался, их настоящей жизни. Но в последние несколько дней ей было все труднее представить, что она действительно продаст остров, все труднее представить, кем она станет без него.

– Ты здесь?

Дверь приоткрылась.

Эви повернулась, нисколько не жалея, что ее отвлекли. На пороге стояла ее коллега Хейзел Грейвс, скрестив руки на огромном животе, – она была на восьмом месяце беременности, которая завладевала ее телом, словно оккупационная армия.

– Привет, – улыбнулась Эви. – Как дела?

Хейзел нерешительно топталась в дверях.

– Хочу с тобой согласовать одну идею. – Казалось, она немного нервничала.

– Как лестно.

– Возможно, когда я расскажу суть, ты заговоришь по-другому.

Хотя Эви была на десять лет старше, поддержала Хейзел при приеме на работу и шефствовала над молодым преподавателем в первые два года, у двух женщин сложились теплые товарищеские отношения, лишь изредка буксовавшие на протяжении последних десяти лет; они всегда находили друг в друге внимательного и благосклонного слушателя.

Но, по правде говоря, в последнее время Хейзел словно постоянно намекала: хотя работа Эви признана поворотной, даже фундаментальной, и поворот, и фундамент погрузились во тьму, а факел подхватила она, Хейзел Грейвс – более молодая, черная, блистательная, а теперь еще и беременная.

– Звучит угрожающе, – сухо заметила Эви. – Заходи.

Она указала на одно из удобных кресел, а сама села за стол.

Хейзел неуклюже двинулась вперед и остановилась под бельевой веревкой, привлеченная фотографией Китти и Огдена.

– На прошлой неделе ее тут не было. Что это?

– Закат старой элиты, – не задумываясь, ответила Эви.

– Рубашки поло, брюки галифе и тому подобное?

Так случалось всегда. Стоило только упомянуть белых богачей, как начиналось веселье. Эта группа американцев была легкой мишенью для насмешек, и при этом никто не знал, что она собой представляет. За исключением, разумеется, тех, кто к ней принадлежал. Эви испытующе посмотрела на коллегу:

– Рубашки поло не имеют к ним никакого отношения.

– Неужели? – не сдавалась Хейзел.

- Нет, – твердо сказала Эви. – Рубашки поло – это марка «Ральф Лорен».
- Хейзел кивнула с недоверчивым видом.
- Кто это?
- Мои бабушка и дедушка.
- Выглядят счастливыми. – Хейзел рассматривала фотографию. – Когда это было?
- Тридцать шестой. – Эви криво улыбнулась. – В тот день они катались на яхте, устроили пикник на острове у побережья Мэна и купили его.
- Хейзел обернулась:
- Остров?
- Он купил остров, чтобы сделать ее счастливой. Так нам всегда говорили.
- Повезло ей, – с сарказмом сказала Хейзел.
- В тридцатые такое можно было себе позволить.
- Богатые и белые могли. Был самый разгар депрессии, – парировала Хейзел.
- В голосе Хейзел слышался вызов. Эви внимательно посмотрела на нее:
- Справедливо.
- Хейзел перевела взгляд на фотографию.
- И помогло?
- В чем?
- Остров сделал ее счастливой?
- Эви задумалась. *Счастливая* – не то слово, которое подходило для описания ее бабушки Китти Милтон. Но так же не подходило слово *печальная, раздражительная* или какое-либо другое прилагательное, способное пустить рябь по глади пруда. «Удовлетворительно», – говорила довольная бабушка Ки. Такая гармоничная.
- Сделал, – ответила Эви.
- Хейзел кивнула, не отрывая взгляда от Китти и Огдена.
- Все эти люди внутри нас, – тихо сказала она. – Неудивительно, что эта страна в заднице.
- Эви замерла:
- Что это значит?
- Внутри тебя сидят эти двое, которые могут уплыть на яхте и купить остров, пока в стране свирепствует ку-клукс-клан, а семнадцать миллионов людей не имеют работы...
- Боже, они же не были Бурбонами, – перебила ее Эви.
- Но этого и не требовалось, правда? – Хейзел говорила тихо, прижав ладони к пояснице.
- Эви с трудом подавила желание сорвать фотографию с веревки, спрятать ее от глаз коллег.
- А ты? – осторожно спросила она. – В тебе кто сидит?
- Невидимки. – Хейзел повернулась к ней. – Все, кого эти двое не замечали.
- Эви смерила ее долгим взглядом.
- «И вместе им не сойтись»?
- Хейзел не улыбнулась.
- Как когда, – ответила она. – Но прошлое всегда с нами, и никто не может сказать, когда оно всплывет, правда?
- Эви покачала головой:
- Нельзя так упрощать. Ты понятия не имеешь, какими были эти люди...
- Нельзя? – Хейзел повернулась к ней. Две женщины смотрели друг другу в глаза.
- Они провалились в пропасть, которая часто разверзалась между ними. Белая. Черная.
- Эви выдохнула.
- Ладно, Хейзел. О чем ты хотела посоветоваться?
- Это может подождать.
- Нет. – Эви хотелось избавиться от этого неловкого молчания. – Рассказывай.

– Ладно, – кивнула Хейзел, подошла к креслу и приступила к делу: – Это для фештшрифта. В честь двадцатипятилетия я собираюсь немного переосмыслить твою «Затворницу».

– Вот как?

– Немного, – повторила Хейзел непринужденно, но решительно.

– Продолжай.

– Твою интерпретацию молчания.

Эви ждала.

– А что, если власть затворницы определяется не молчанием, как ты предположила, а выбором мужа?

– Это как?

– Попробуем прочесть клятву затворницы буквально. Когда она становится невестой Христа, то заключает выгодную партию. Очень выгодную.

Идея о замужестве как источнике власти красной нитью проходила через феминистский дискурс последнего десятилетия. Авангардная и одновременно обладающая обратной силой. Элегантная. Все дело в том, кто твой супруг.

При взгляде на Хейзел в воображении возникало растение в летнем саду, чьи обильные побеги с бездумной неудержимостью тянутся вверх: я живое, я живу и расту. Эви ощутила усталость.

– Переосмыслить меня? – Она подняла брови. – Скорее похоронить.

– Нет, нет. Разве ты не видишь? Это дань уважения. Развитие твоей мысли. – Хейзел тряхнула головой, сияя своей идеей, улыбаясь и атакуя. – Понимаешь, чем больше я думала, тем больше мысль, будто женщина обретает власть с помощью молчания, казалась такой... – Хейзел нахмурилась, пытаясь найти нужное слово.

– Эксцентричной? – подсказала Эви.

– Надуманной. Точнее, слишком складной, – твердо заключила Хейзел.

– Возможно. – Эви откинулась назад и скрестила руки на груди. – Но всем известно, что власть передается через негласные правила игры, передается теми, кто обладает властью. Как должны себя вести принадлежащие к клубу избранных...

– Например?

Эви пристально вперила взор в коллегу, указывая на фотографию.

– В любое помещение входите с улыбкой – учила нас бабушка. Разговаривайте с каждым, независимо от его положения, как с человеком, разумным существом; это создаст вокруг вас дружелюбную атмосферу.

– Это всего лишь манеры...

– Да. И манеры были *показателем*.

– Чего?

– Хорошего воспитания. Плохого воспитания.

– Плохого воспитания? – Хейзел подняла брови.

– Если у человека есть деньги, он не должен говорить о них, а думать о них он должен как можно меньше, – процитировала Эви, уверенная в своей аргументации, но не до конца уверенная в тезисе. Что она хотела доказать? – Не следует упоминать о Деньгах или о чьей-то Удаче. Или о Неудаче. О Месте человека в этом мире. Не следует говорить о себе, привлекать к себе внимание. Не следует создавать впечатление, будто ты кичишься своей удачей перед теми, кому повезло меньше. Не следует вынуждать людей стыдиться или напоминать им о том, чего они лишены.

– Чтобы можно было это скрывать.

В голосе Хейзел опять звучал вызов. Эви нахмурилась:

– Что именно?

– Правду. Пропать. Код, который держит всю структуру. Вы делаете вид, что все равны. Прячете правду под хорошими манерами. Вы все участвуете в огромном заговоре, в сокрытии. Молчание защищает историю белой женщины и...

– Обрекает ее, – возразила Эви.

– Только если она захочет.

– Да ладно тебе, Хейзел! – Эви усмехнулась. – Разве не упоминать о своем положении каждый раз, постоянно – это сокрытие? Честно говоря, я не уверена, что все было так просто, и в настоящий момент это точно не так.

Глаза Хейзел широко раскрылись.

– Ты серьезно, Эви? Ты же знаешь, что именно так. Ты посвятила свою научную карьеру тому, чтобы указать на это молчание.

Так и было. «Если видишь – расскажи», – гласил антитеррористический плакат Министерства безопасности, много лет назад висевший на веревке у Эви.

– Возможно, – ответила Эви, не желая уступить Хейзел ни дюйма.

Она смотрела, как коллега выбирается из кресла и идет к двери, удовлетворенная тем, что проявила должное внимание к старшей коллеге. «Это же вопрос власти, дура», – напомнила себе Эви; ей только что сказали, что ее собираются переосмыслить.

Эви прислушивалась к шагам Хейзел, эхом разносившимся по мраморному коридору. На мгновение к ней почти вернулось ощущение последних месяцев беременности – тяжесть и легкость, готовность броситься в атаку с мечом в руке. В тридцать восемь она тоже стремилась придать будущему собственные очертания. Стремилась ринуться в бой с настойчивостью, подпитываемой верой, будто ты и только ты можешь видеть ясно. Хейзел напомнила Эви приятную тяжесть той ясности, той уверенности.

И это воровство – она поморщилась – под названием «переосмысление». Фургон, припаркованный под окном ее кабинета, размеренно гудел в такт ее мыслям. Эви подняла голову и снова посмотрела на бабушку с фотографии на веревке.

«Не обращай внимания. – В голове Эви звучал голос Китти. – Не обращай на все это внимания».

Глава восьмая

«Привлекательная компания», – подумала жена портового инспектора, выглядывая из дверей конторы одним ранним июньским утром, когда на общественном причале в Рокленде, штат Мэн, появились Милтоны и Хотоны – они прибыли ночным поездом из Нью-Йорка. Мужчины вскинули на плечи дорожные сумки и зашагали по сходням к яхте, оставив жен размяться после долгой ночной поездки. Две женщины были совсем разными: высокая и маленькая, стройная и пухлая, светловолосая и брюнетка. Миссис Уинслоу обратила внимание на широкие брюки с высокой талией, как из модных журналов, и решила, что низенькая похожа на пирата, а ее подруга – на королеву пиратов.

Королева окинула взглядом ясное небо и крытую дранкой билетную кассу парома, затем посмотрела на причал, где стояла пришвартованная «Шейла», сверкая бронзовыми поручнями на деревянной палубе; на корме развевался американский флаг. Все заполнял запах моря.

– Бог знает, что там такое. – Китти покачала головой, глядя на Присс; та вопросительно приподнимала парусиновую сумку, доверху набитую и застегнутую на молнию. – Наверное, еда. Пусть Данк ее возьмет.

Присс кивнула и поставила сумку на землю.

– В любом случае тебе нельзя поднимать тяжести, – сухо заметила Китти. – В твоём положении.

– Мне нравится это время, – призналась Присс, опускаясь в старый шезлонг, – хотя я жирею, как свинья.

Точное сравнение. Китти улыбнулась школьной подруге, которая теперь была замужем за ее кузеном. Присс никогда не ограничивалась говяжьим бульоном и солеными крекерами – и тем более сейчас, когда наступила долгожданная беременность.

– Бери «Лаки», а не сласти, – процитировала Китти рекламу сигарет.

Присс фыркнула:

– Мне не нужно худеть; во всем есть своя красота. Хотя в данный момент я бы не отказалась от сигареты.

Она достала книгу и раскрыла у себя на коленях.

Китти кивнула. Женщина из конторы паромной переправы скрылась в маленькой будке в конце причала. Ее собака грелась на солнце, стуча хвостом. Китти вновь посмотрела на мужчин.

Огден осматривал каждый дюйм парусной яхты, поглаживая ее, словно лошадь, и согласно кивая Данку, который что-то кричал ему с носа судна. Чокнутые, подумала Китти, лениво наблюдая за ними. Так серьезно относиться к узлам, канатам и крюкам. Все в порядке. Все на месте. Как будто это все настолько важно.

«Нет. – Она остановила себя. – Нет, нельзя так».

– Говори что хочешь, – Присс вздохнула и закрыла книгу, используя палец в качестве закладки, – но я люблю интересные секреты.

Китти заморгала, не сразу сообразив, о чем идет речь. Это было продолжение разговора, который они вели глубокой ночью в поезде, сидя в крошечном неосвещенном купе, в то время как за окном проносился погруженный в темноту мир. Напротив них лежали мужья, накрыв шляпами лица и скрестив руки на груди, – крепко спали.

– Но не в том случае, если о секрете молчат, – заметила Китти.

– *Особенно* если о нем молчат. Именно потому, что о нем не говорят.

– Но это бессмысленно. Если о нем не говорить, то ты не знаешь о его существовании.

– Да. – Присс улыбнулась. – Но он гноится. Восхитительно.

– Гноится?

– Да не будь ты таким снобом. – Присс закатила глаза. – Да, гноится. Приветствую тьму, приветствую бездну и красную, *гноющуюся* жизнь.

Китти не смогла сдержать улыбки. Данк и Присс посещали вечеринки в Гринвич-Виллидж, где царили красные галстуки, переполненные пепельницы и жаркие яростные споры на самые разные темы, от Москвы до Монтока. Эти двое не только мочили ноги в океане жизни – они в него ныряли. И Китти иногда им завидовала.

– Ты ведь понимаешь, – сказала она, – что начала говорить прописными буквами. Это заразная болезнь...

– Зато честно, – возразила Присс, выгибая спину. – Мы живем в эпоху прописных букв. Тебе тоже надо попробовать.

– Возможно, – весело согласилась Китти. – Поживем – увидим.

Присс фыркнула. Они дружили еще с пансиона. Китти Милтон никогда не пошла бы в какой-нибудь дворик Гринвич-Виллидж, где пили джин с лаймом и часами спорили о Конце цивилизации, о Начале истины, о долгожданном восстании Забытых и Угнетенных, о Голосе масс, – хотя этим летом гнев, kloчочущий везде, куда ни посмотри, свидетельствовал: сверкающий меч истории расчищает просеки в зарослях загадочного прошлого.

– Признайся, ты все рассказываешь Огдену? – спросила она, переводя взгляд на мужчин.

– Конечно, – без колебаний ответила Китти.

– Очень плохо, – заметила Присс и повернулась к ней. – Готова поспорить, что в основе прочного брака лежат секреты.

– Ради всего святого, Присс!

Присс усмехнулась.

– Секретам место в книгах, – заявила Китти.

– В хороших книгах. – Присс сунула свою книгу в сумку.

– Какие же они хорошие, если для развития сюжета им нужны секреты? Жизнь не такая.

– Ну, конечно... *жизнь*, – фыркнула Присс.

– Да, – настаивала Китти. – У реальных людей нет секретов, потому что реальные люди не умеют их хранить.

Какая же я лгунья. Вспыхнув, Китти сунула руку в карман брюк и нащупала маленькую игрушечную машинку желтого цвета, которую всегда носила с собой после смерти Недди.

На причале Огден взял конец фала и лизнул его, смачивая, чтобы тот легче прошел через бронзовые проушины вдоль гика. Увидев, как он старается, как сосредоточен, она загрустила.

Весь этот год они провели в тишине, невысказанное имя *Недди* реяло между ними. Китти привыкла к испытующему взгляду мужа, который на мгновение останавливался на ней, а затем ускользал прочь, проверяя ее, читая ее, словно по наклону плеч или повороту головы Огден мог определить, что у нее на душе.

И несколько недель назад, когда он появился на пороге детской с билетами в руках и, пристально глядя на нее, нерешительно спросил хриплым голосом, не хочет ли она отправиться в небольшое путешествие, уехать ненадолго без детей, – она явственно услышала, словно он произнес это вслух: «Возвращайся».

– Все отлично, дорогой! – крикнула она через весь причал, подавшись вперед. – Просто идеально.

– Черт побери, Китти права, – протянула Присс. – Уже можно подниматься на борт?

Китти направилась по сходням к причалу. Она вовсе не это имела в виду и не хотела, чтобы Ог так думал. Китти не имела в виду «поторопись, отчаливаем». Она сошла на деревянный причал, доски которого начали нагреваться на солнце. Китти не хотела, чтобы муж ее неправильно понял. Особенно теперь. Она собиралась по максимуму насладиться поездкой. По крайней мере, попытаться.

Китти подняла голову и увидела, что Огден улыбается.

– Давай. – Он протянул руку через планшир, и сердце ее затрепетало. Он понял. Три быстрых шага – и Китти оперлась на его руку и забралась в кокпит. Огден легонько сжал ее плечо.

– Эй вы, двое, постойте! – окликнула их Присс. – Дайте я вас сниму.

Китти и Огден повернулись, улыбаясь для фото, и замерли неподвижно. Краем глаза Китти заметила, как женщина в билетной кассе закурила и бросила спичку в воду, проследив за ней взглядом.

– Готово, – сказала Присс, опустила фотоаппарат на грудь и посмотрела на мужа, который стоял на носу яхты, уперев руки в бедра. – Послушай... – насмешливо крикнула она ему. – Ты собираешься оставить наследника на причале?

Данк Хотон выпрямился и повернулся. Китти, прикрывая глаза рукой от солнца, видела, как смягчаются его черты. Сильный, стройный, черноволосый, с милым худым лицом, которое Китти знала, как свое собственное, он стал важной шишкой в «Новом курсе» Рузвельта; теперь Данк сидел в пыльном офисе где-то на Манхэттене, заведывая каким-то непонятным, но крайне важным департаментом, и занимался обычной для Хотонов работой: вносил свой вклад в общее дело. Он спрыгнул на причал рядом с беременной женой, подхватил сумку, стоявшую у ее ног, и, поддерживая ее под локоть, провел в носовую часть палубы.

И они отправились в путь. Огден у румпеля, Китти рядом с ним, а Данк и Присс на носу, прижавшись спинами к мачте. Огден осторожно прокладывал путь между большими яхтами, предназначенными для летнего семейного отдыха. Кэббот, Лоуэлл, Холоуэлл – на яхтах, покачивавшихся у причала, можно было прочесть фамилии старого Бостона. Выбравшись из столпотворения, Огден направил «Шейлу» мимо волнолома в Пенобскот-Бэй, где на горизонте виднелась цепочка островов. Волны мягко бились о корпус яхты, которая разрезала воду, слегка подпрыгивая в поисках ветра.

День был великолепный. Они собирались плыть до обеда и устроить пикник на одном из островов, а затем добраться до летнего дома Гарри Лоуэлла и остаться там на выходные. Судя по всему, этот план возник во время одной из внезапных вспышек энтузиазма, которым был подвержен Огден и в которых Китти научилась участвовать, хотя Лоуэллы нагоняли на нее скуку. Они были слишком высокого мнения о себе, словно вдыхаемый ими воздух был чище, их нравственные стандарты – выше, а сама кровь, которая текла в их бостонских жилах, – голубее. Миссис Лоуэлл происходила из Салтонстоллов и роняла имена своих предков через каждые двадцать футов – словно буйки, которые теперь указывали им путь из порта Рокленда.

Это нелепо, думала Китти. Особенно сейчас, когда такие люди, как Огден, нью-йоркские банкиры, вытаскивали страну из Великой депрессии и направили по «Новому курсу». Все были спасены благодаря дальновидности таких людей. Их ясности мышления. С этим никто не спорил. Огден поднимался над схваткой, над текущим моментом, смотрел в будущее. Всегда. Она наблюдала за ним, устроившись у кокпита.

Огден сидел у румпеля в расслабленной позе: рукава рубашки закатаны до локтей, длинные ноги вытянуты вдоль кокпита и скрещены в лодыжках; линии его тела были изящны и точны, словно вырезанные искусным мастером. В нем чувствовалось с трудом сдерживаемое волнение, какая-то лихость, вызывавшая у нее улыбку. Он что-то задумал. Китти подвинулась к передней части кокпита, не переставая улыбаться. Он задумал что-то хорошее.

– Кливер, дорогая, – сказал Огден, указывая взглядом на парус.

Она повернулась, поймала конец фала и подняла маленький плоский парус, чтобы тот поймал ветер. «Шейла» устремилась вперед. Китти закрепила конец фала и снова села, для устойчивости положив одну ногу на поперечную скамью кокпита.

В небе над ними не было чаек, а на горизонте – ни единого судна. Море вокруг лежало открытое и бескрайнее, словно луг.

Пальцы Данка, сидевшего на носу яхты, скользнули под воротник жены; нежный голубой батист ее блузки подчеркивал загар его тонкой руки. Его всегда отличали такие мелкие знаки внимания. И из-за этого Китти всю жизнь была немного влюблена в своего кузена. Она откинулась на сиденье и закрыла глаза, подставив длинную шею солнцу.

– Давай не будем говорить о Германии? – донесся до нее голос Присс. Данк что-то ответил, но Китти не расслышала.

– Потому что, – сказала Присс, – она там, далеко, а мы здесь. И в данный момент ты ничего не можешь с этим поделать.

Китти открыла глаза.

– Или о Рузвельте, – прибавила она, выпрямляясь. – В эти выходные я не желаю слышать ни о налоге на активы, ни о президенте, ни о банках.

– В любом случае что случится, то и случится, – сказала Присс.

– В банке? – спросила Китти.

– В Европе.

– Не случится, если я помешаю, – пробормотал Данк.

Китти нахмурилась. Кузен всегда был немного слишком горяч, он резво хватался за вожжи, как будто жизнь несли вперед обезумевшие кони и только он мог их остановить. Это было достойно восхищения, даже благородно, но, по мнению Китти, он заходил слишком далеко, себе во вред.

– Говорят, ты взял на работу Вайнберга, – сказал Данк. – Это правда?

– Правда, – ответил Огден.

– Сол Вайнберг? – лениво протянула Присс.

– Ага.

– И что он собой представляет?

– Он еврей, – объяснила Китти.

– Очень умный еврей, – подтвердил Огден. – Чрезвычайно.

– Он учился в Принстоне, да? С Диком Шерманом? Выпуск двадцать пятого года? – уточнил Данк.

– Ага. – Огден повернул парус, ловя ветер. Нос яхты нырнул в волны, затем снова поднялся.

– Слышала, он ухаживает за Сюзи Банкрофт, – продолжала Присс.

– Пустые хлопоты, – заметила Китти. – Такого, как он, ее мать даже на порог не пустит.

– Такого, как он? – переспросил Данк.

– Не валяй дурака, Данк. Ты знаешь, что я имею в виду.

Данк повернулся и опустил свои длинные ноги в кокпит; теперь он сидел лицом к Огдену и Китти.

– Если он справится, со всем разберется и все такое, ты возьмешь его в долю?

– Без сомнения, – кивнул Огден. – Хороший человек – это хороший человек.

Китти откинула волосы со лба и внимательно посмотрела на мужа. «Делай бизнес со всеми, – сказал бы ее отец, – но на яхту приглашай только джентльмена». Место Сола Вайнберга в их мире было четко определено. Что бы ни говорил Огден, какой бы энтузиазм ни проявлял, статус *хорошего человека* не поможет Сюзи Банкрофт, если она выйдет за Сола; она навсегда останется девушкой, которая вышла замуж за еврея. Таково было положение дел. Казалось, мужчины никогда о таком не задумывались по-настоящему. Им хотелось обойти острые углы, что-то подправить. Поговорить. А потом женщинам приходилось жить той жизнью, которую они создали.

Парус наполнился ветром.

– Но это только слова, – решительно заявила Китти. – Ты знаешь, что на самом деле все не так. Мир устроен иначе. Ты не пригласишь сына Джо управлять компанией.

Джо был садовником бабушки Хотон.

– Если у него нет должной подготовки, – сказал Данк.

– Даже с подготовкой. – Китти покачала головой. – Например, Солли Вайнберг, – теперь она обращалась к мужу, – что бы ты о нем ни говорил, никогда не получит эту девушку, потому что всегда ведет себя так, словно бьется в какую-то дверь.

– Он ведь действительно бьется, – заметил Данк.

– Возможно, но без правильной девушки такому человеку никогда в эту дверь не войти. Несправедливо, но ничего не поделаешь. Все зависит от того, кто твоя супруга.

– Ничего не поделаешь, – повторил Огден, глядя на нее.

На долю секунды Китти показалось, что она перегнула палку.

– Он часть перемен, которые нас ждут, – сказал Огден.

– Каких перемен? – не отступала она.

– Новые области.

Она покачала головой.

Огден удивленно поднял брови.

Она все видела. Разговоры о том, как лучше, не оставляли ее равнодушной; Китти понимала эту необходимость. Тем не менее это были всего лишь разговоры. Болтовня. А вот что было *действительно* необходимо – это держаться за лучшее, за то, что уже доказало свое превосходство. И сделать так, чтобы все это видели. Видели этих людей, видели, насколько они хороши, насколько правы. Эти мужчины держали руль в своих руках, они знали, как следует поступать. С самого начала знали.

– Послушай, ты и Данк – лучшее, что у нас есть. Новых людей нам не нужно. Нужно больше таких, как вы.

На носу яхты Присс молча вскинула руку в шутливом салюте.

Но Китти не сомневалась в своей правоте. Мужчин нужно оберегать от их собственного энтузиазма. Женщины должны держать кубок высоко, иногда вне досягаемости мужчин, чтобы те не разбили его в чрезмерном воодушевлении.

– Тебе надо поговорить об этом с Гарри Лоуэллом, – улыбнулся ей Данк. – Вчера вечером в клубе он был явно доволен. Ты слышал его, Ог? Стяжательским классам приходит конец, и все такое.

Огден кивнул.

– Очаровательно, – заметила Присс.

– Хотя равновесие недостижимо, – вставил Данк. – Кому, как не Лоуэллу, это знать.

– Клуб, – невпопад пробормотала Китти. – Я думала, Лоуэллы никогда не покидают Бостона.

– Еще как покидают, – весело отозвался Данк. – Они любят время от времени приезжать в Нью-Йорк.

– Гарвардский клуб – это не совсем Нью-Йорк.

– А ты как думала? Неспроста до клуба всего пятьдесят шагов от Центрального вокзала, – улыбнулся Огден, натягивая кливер-шкот и поворачивая к себе румпель.

Китти рассмеялась.

– Ну вот. – Прищурившись от солнца, она с улыбкой смотрела на мужа. – Ты нарушил мое правило.

– Какое? – непринужденно поинтересовался он.

– Не говорить о работе или о глобальных проблемах – и вот пожалуйста. Только о них и говорим.

– Это неуважительно, – вставила Присс. – Нелюбезно.

– Дорогая моя, семейная политика никогда не бывает любезной, – возразил Данк.

– Эй, ты, – обратилась к мужу Присс, – думаешь, тебе эти шуточки сойдут с рук?

– Да. – Голос у Данка был бархатистый, низкий, на лице сияла улыбка. – Ты же знаешь, я опытный шутник.

Он неотрывно смотрел на Присс, и его любовь к жене была очевидна каждому. Она протянула руку, коснулась его щеки, и взгляд, которым обменялись супруги, потряс Китти до основания. Она повернулась к Огдену, наблюдавшему за ней.

– Послушать тебя, – Огден склонил голову, – вылитая мать с ее вечными разговорами о правилах.

– Я ни капли не похожа на твою мать. – Она улыбнулась и подняла руку, заслоняясь от солнца. – Я реалист.

– О чем, черт возьми, мы тут говорим? – спросила Присс.

– Ни о чем, – ответила Китти, не отрывая взгляда от Огдена. – Правда, дорогой?

Огден крутанул румпель, и у него на губах сверкнуло предвестие улыбки; он покачал головой и, положив руку на румпель, запрокинул голову и взглянул на грот. Сердце у нее в груди забилося чаще. Словно она выбралась из леса, где блуждала весь прошедший год, и нашла его. *Вот мы и пришли. Да, мы пришли. Огден.* Она высоко подняла руки и потянулась, переполненная этим удивительным, тревожным счастьем, поймала взгляд Огдена и улыбнулась.

Он подмигнул. И Китти ощутила это точно в центре своего существа. Она подмигнула мужу в ответ и села прямо; ее сердце летело вперед вместе с яхтой, через синюю рябь к серо-зеленой гряде на горизонте, которая теперь постепенно разделялась на отдельные острова.

– Куда мы направляемся? – спросила она.

– Прямо туда. – Он указал на карту, расстеленную на деревянной скамье и прижатую алюминиевой жестянкой с сэндвичами и бутылкой джина, между которыми Китти увидела надписи: «Виналхейвен. Суонс. Крокетт. Норт-Хейвен».

Она кивнула и поставила локти на планшир. Волны плескались о борт.

– К повороту! – Огден отпустил румпель и распустил парус, повернув яхту кормой к ветру, который подхватил их и понес вперед, стремительно, под защиту островов, мимо первого скалистого мыса Виналхейвена, самого большого острова. На самом высоком дереве тяжело лежало гнездо скопы, склонившись вправо, – как будто нарисованный детской рукой человек снимает шляпу, подумала Китти.

Яхта вздрогнула и замедлила ход. Огден снова сменил курс, поймал ветер, и они заскользили вперед, наискосок, к центру пролива Нэрроуз, который был обозначен на карте как довольно мелкий. Огден подтянул паруса, а Дунк взял весло, лежавшее под планширом, и вскарабкался на нос, чтобы отталкиваться, если они слишком близко подойдут к скалам.

Они легко скользили к полоске земли, казавшейся сплошной, но пролив вдруг раздался вширь, и перед ними показался остров, длинный скалистый берег которого изгибался дугой прямо напротив четверых людей на яхте. Огромные глыбы гранита складывались в естественные дорожки к морю от леса, нависавшего над кромкой воды. Вдоль всего берега тысячи камней поменьше галечной шкурой выстилали пляж. А прямо по курсу, в конце бухты, от крытого дражкой сарая в воду тянулся узкий причал.

Огден присвистнул:

– Вы только посмотрите.

Сменив галс, он без труда повернул яхту по ветру и направил к причалу.

Данк спрыгнул с носа и удерживал судно, пока Огден отвязывал грота-фал. Парус захлопал вокруг гика с таким звуком, будто птица била крыльями по воде. Присс отвязала фал кливера, чтобы спустить и его. И все замерло. После стремительного движения, после свиста ветра в заливе они как будто выпали из этого мира.

Прямо перед ними к одной из свай было прикреплено рукописное объявление:

ПРОДАЕТСЯ – Р. КРОКЕТТ

Поросший травой склон позади навеса для лодок вел к большому белому дому, пристроившемуся на вершине холма; из покатой черной крыши торчали две трубы, выделяясь на фоне летнего неба, словно башни замка. Неожиданный и величественный, дом производил впечатление спокойной основательности; он явно господствовал над этим холмом и этой лужайкой не меньше сотни лет.

– Что можно делать в таком месте? – спросила Присс.

– Жить, – без промедления ответил Огден.

– Жить? – Китти удивленно посмотрела на мужа.

– Почему бы и нет? – Он широко улыбнулся ей.

– Здесь? Так далеко от всех?

– Все приедут к нам. – Он выпрыгнул из яхты и стал привязывать ее к железному кольцу на пристани.

– Все это часть плана, – объяснил Данк с заговорщической улыбкой.

– Плана? – Китти вглядывалась в лицо Огдена. – Какого плана? Огден, что ты задумал?

Он протянул руку, чтобы помочь ей сойти на берег.

– Нельзя же так просто взять и пойти туда, – запротестовала она. – Это неудобно.

– Конечно, можно, – настаивал Огден. – Пошли.

– А люди, которые там живут?

– Вот и познакомимся, – беспечно ответил он. – Давай.

Китти медленно взяла его руку, переступила через планшир и сошла на причал. Присс и Данк прыгнули с носа, и все четверо поднялись по сходням на пирс. В сарае на колышках были развешаны буйки для ловли омаров, свернутые удочки и фонари; пахло сырым деревом и солью, из бочек резко тянуло керосином – свидетельство того, что сараем пользовались. У стены над старой лодкой, перевернутой набок, стояли весла. Звук шагов по старым деревянным доскам смешивался с плеском волн о камни внизу.

Через открытые ворота они вышли на зеленую лужайку, расстилавшуюся до самого дома на вершине холма. Шиферная крыша разрезала синее небо. Вниз смотрели восемь окон в обрамлении темно-зеленых ставен. Рядом с дверью, где в качестве крыльца были уложены гранитные блоки, росла сирень. Все просто и основательно – королевство мечты. Везде гармония. Все на своем месте.

– Интересно, есть ли здесь электричество? – задумчиво произнес Данк.

– И горячая вода для ванны? – спросила Присс у Китти, а потом взяла Данка за руку и потянула за собой. Они стали подниматься по склону. На плече у Данка висела парусиновая сумка с вареными яйцами, коробкой сэндвичей, термосом кофе и бутылкой джина.

Китти с Огденом остались внизу, в тени лодочного сарая. Слева от дома виднелся маленький гранитный обелиск и округлые верхушки четырех надгробных плит. Могильное семейство. В резкой вспышке Китти представила годы, которые проведет здесь. Дом на холме, частокол елей вдали, просторные зеленеющие поля, где трава покачивается, словно девушки на ярмарке.

А Недди мертв. Ее глаза затуманились. Недди всегда будет мертв.

Огден подошел сзади и обнял ее, и она прислонилась к нему, чувствуя его дыхание в своих волосах.

– Он будет твой, если хочешь.

– Если я хочу? – Китти посмотрела на мужа. Соль собралась в уголках его глаз, сиявших пронзительной синевой. Утренняя морская прогулка словно сделала его ярче.

– Я хочу это место, – тихо сказал он. – Хочу, чтобы этот дом стал нашим. Чтобы все, кто проплывает мимо, знали, что он наш. В этом будет некий важный смысл. Люди будут смотреть и думать: вот дом Милтонов. Китти и Огдена Милтон. Милтонов с острова Крокетт.

Он смотрел ей в лицо, страстно желая, чтобы она стряхнула с себя горе и боль прошедшего года, устремилась вперед, к краю гранитного берега, навстречу елям и свету.

– Пойдем. – Он взял ее за руку и потянул за собой вверх по лужайке. А она с дрожью представила себе будущее: сколько раз они будут подниматься по склону к этому дому вместе с детьми, а возможно, и с детьми своих детей. Воплощенная мечта Огдена. Прямо здесь. И Китти пошла к дому на холме, точке во времени, куда в последующие годы она будет возвращаться, как к камешку в кармане, который всегда можно погладить.

Глава девятая

Эви повернула на Бликер-стрит, к дому; густая стена послеполуденного тепла вызывала в памяти все июни, проведенные на этой улице, прямо здесь, во влажном зное, который занавесом падал перед ней, – весна закончилась, пришло лето. И как всегда, городское лето навевало воспоминания о своей противоположности: тропинка в лесу на острове, туман на лугу между Большим домом и амбаром, несмолкающие гудки береговой сирены в заливе. Всю ее жизнь этот контраст незримо оттенял каждое лето, словно прохладный квадрат пола под ногами. И всегда где-то за жарой, грязью и душными ночами сиял манящий свет Мэна. В конце лета всегда был остров.

Вздвогнув, она нащупала ремешок сумки на плече; слова Хейзел не шли у нее из головы.

Большому дому требовалась новая крыша. Пристани – новые понтоны. Амбар, у которого не было фундамента, проваливался в землю. Тридцать лет после смерти бабушки и дедушки дом кое-как держался, красивый, обветшалый и требующий постоянной заботы; Джоан и Эвелин вели жестокую и необъяснимую битву из-за любых изменений или переделок: Джоан отвергала предложения Эвелин и в конце концов победила, пережив сестру на год. Но теперь, после смерти Джоан, остров и его содержание перешли к Эви и ее кузенам, из которых лишь одному удалось получить профессию, приносящую какой-то доход. И остров Крокетт болтался там, в Пенобскот-Бэй, словно знак вопроса или кулак – как посмотреть.

Словно мухи в янтаре, они застряли в этом месте, где время остановилось. Там было потускневшее серебряное ведерко для льда с инициалами Эвелин и датой, сентябрь 1959-го, – свадебный подарок. Там были дверные упоры в форме буйков. Мебель, купленную бабушкой и дедушкой в тридцатых, перетягивали и чинили – хотя даже это в последний раз делали где-то в начале семидесятых, – но никогда не меняли. Остров собирал, а затем хранил их летние дни. Коллекция камней Сета выстроилась на подоконнике желтой спальни наверху, присоединившись к коллекции кузена Гарри, которая, в свою очередь, продолжала собрание дяди Мосса. Дети там катались на лодке, лазали по деревьям, собирали мидии, а в конце каждого летнего дня, умытые и переодетые, к шести часам приносили на пристань лед в серебряном ведерке, виски и печенье в виде рыбок, а затем стояли на щербатых досках и смотрели на белых рыб, мелькающих в воде, пока взрослые за их спиной пили, а солнце опускалось в море. Милтоны с острова Крокетт.

Это был абсурд. Нелепая чопорность. Нечто нереальное. Тем не менее без всего этого лето не было настоящим летом. Год не мог смениться новым без каникул на острове.

Впереди, в конце квартала, тень деревьев в крошечном треугольном парке уже переходила в вечер, обещающая прохладу. Трое чернокожих мужчин сидели на единственной скамье, вытянув ноги; их широкие рубашки липли к потной груди. Один из них курил и наблюдал за приближением Эви без всякого интереса, без какого-либо движения в ее сторону – белая женщина средних лет, не молодая и не красавица, просто идет.

Она пристально смотрела на него через темные очки, шагая вперед, и через какое-то время он отвел взгляд. Эви видела его раньше, на этом же месте, и, как с ней часто случалось в этом городе, ощутила присутствие множества слоев, этих знакомых незнакомцев, которые скользят по поверхности жизни друг друга, видимые и невидимые, подобно рыбе в чистом пруду. Дверь ее подъезда с щелчком открылась, впуская Эви в прохладную мраморную тишину, а потом, захлопнувшись, приглушила звуки города. Много лет назад, когда они с Полом только переехали в эту квартиру, она долгими и душными летними ночами лежала в постели, настезь распахнув окна, чтобы впустить легкий ветерок, плавала где-то между сном и явью, и голоса людей в парке за окном доносились до нее, словно радиопередачи из другого мира, успокаивающие и непостижимые – человеческие звуки в темноте.

Она толкнула входную дверь, ведущую в длинный коридор, который проходил через всю квартиру и упирался в бабушкино зеркало в овальной золотой раме. Из дальнего конца коридора доносился стук клавиш на компьютере Сета.

Звуки смолкли.

– Мама?

– Привет, дорогой, – автоматически ответила Эви, разглядывая письмо со штемпелем «экспресс-доставка», которое лежало на коврике у нее под ногами.

Через минуту стук клавиш возобновился.

Она подняла конверт. Дорогая бумага и надпись от руки – *от руки!* – фиолетовыми чернилами. «Мисс Эвелин Ладлоу Милтон». На мгновение ее имя показалось ей чужим – впрочем, так оно и было. Так звали ее тетю, ее двоюродную бабушку и двоюродную прабабушку. С некоторой опаской Эви перевернула конверт и вскрыла его. Письмо было адресовано ей и ее кузенам: «Позвольте напомнить вам о встрече, назначенной в офисе “Шерман, Троуп и Дефорест” в пятницу, 29 июня».

Прошло шесть месяцев со дня смерти матери. 29 июня – это следующий понедельник. Их приглашали обсудить, что делать дальше. Эви сбросила туфли, сняла через голову сумку и швырнула ключи на столик, где они прокатились по старому дереву и с глухим стуком упали на ковер. Что же *дальше*? Она сомневалась, что им с Полом это будет по карману, а если придется еще и платить, он наверняка откажется. И что тогда? Это ведь не просто остров, это часть их самих; это мама.

Женщина в зеркале, которая шла к ней по коридору с письмом в руке, была копией бабушки Ки. Ей на глаза попался торчащий из рамы зеркала поляроидный снимок, и Эви протянула руку и взяла его.

Мосс, Джоан и Эвелин Милтон в солнечный полдень перед Большим домом на острове Крокетт.

Мосс стоит чуть в стороне, короткие темные волосы растрепались, правый кулак поднят в подобии салюта, улыбка на лице кажется окончанием только что брошенной кем-то шутки. На вид ему двадцать с чем-то. На нем полосатая куртка поверх белой рубашки навыпуск, в левой руке зажата сигарета, он смотрит прямо в камеру, словно бросает вызов.

Рядом с ним длинноногие, с красиво подстриженными короткими каштановыми волосами Джоан и Эвелин Милтон, девушки чуть старше двадцати, безмятежно смотрят в будущее, обняв друг друга за талию, а их головы обрамляет знакомая линия окон на фасаде дома. Одетые в узкие шорты и рубашки без рукавов, изящные и непринужденные, они явно связаны узами родства. Сестры. Девочки Милтон. Девочки, которых приучили говорить «да». Да – родителям, да – миру вечеринок и танцев и зеленым надеждам на другой стороне лужайки.

Мама.

Эви вглядывалась в улыбку Джоан – в это радостное, открытое доверие ко всему, что ждет впереди. Эви никогда не видела этого выражения на лице матери. Ни разу. Женщина, которую она знала, не имела ничего общего с этой девушкой.

Непревзойденный мастер молчания, ее мать входила в любую комнату с такой опаской, словно в ней спрятана бомба, нерешительно переступала порог, тихо присоединялась к разговору и так же тихо покидала его. Подростком Эви большую часть времени пребывала в состоянии едва сдерживаемой ярости, готовая вспылить по малейшему поводу, жила в головокружительной смеси своей правоты и гнева, решительно настроенная взорвать все бомбы, какие только можно. Она поклялась быть ничем не похожей на мать. Ее жизнь была неправильной, жизнью вхолостую, словно нужная бобина с пленкой так и не была захвачена зубцами проектора и их с отцом существование просто не началось – совсем. Эви не могла объяснить, откуда у нее это ощущение; отец и мать одевались так же, как другие, ели ту же еду, а сама Эви ходила в те же школы. Складывалось впечатление, что родители унаследовали свою обыденность, а не

выбрали ее, решили обойтись имеющимся, – а потому скорее заполняли комнаты, чем жили в них, словно призраки в собственной жизни.

Но здесь, на снимке, поворот головы и открытая улыбка принадлежали молодой женщине, устремленной в будущее. Радостной. Свежей. Живой и исполненной надежд, как летнее утро. Именно с описания таких героинь начинаются романы определенного жанра. Сияющие красотой и энергией, они появляются на белом крыльце красивого дома в начале дня. «Какая ласточка! Какой полет!»

Что же случилось?

Внизу фотографии была надпись аккуратным почерком матери: «22 августа 1959, утро, когда...» – и два восклицательных знака.

«Что произошло в то утро, мама?» – спрашивала Эви.

«А? – Лицо матери туманилось. – Я не помню».

Не день рождения и не годовщина – Эви могла это вычислить. Ничем не примечательный летний день на острове в конце пятидесятых.

Но именно эту фотографию мать попросила принести этой зимой, когда она умирала. И еще она звала свою сестру, хотя Эвелин умерла годом раньше – умерла в мрачном молчании, отказываясь разговаривать с Джоан. Эви понятия не имела, что у сестер произошла размолвка. Но складывалось впечатление, что в последние дни жизни Эвелин была переполнена злобой, словно слепившей ее своеволие в клубок ярости, против которого Джоан сражалась на своем смертном одре, вновь и вновь повторяя имя сестры. И печаль, которую вызывало это воспоминание, необъяснимая подлость произошедшего проявлялись именно в такие моменты, как теперь, – когда Эви разглядывала двух сестер, безмятежно смотрящих в будущее.

– Мама?

– Что?

– Ничего. – Голос сына зазвучал глуше. – Уже нашел.

Эви вернула фотографию на место.

Она не видела кузенов с самых похорон. Завещание мамы теперь утверждено. К этому времени у них должен был появиться план. Но все пребывали в парализованном состоянии, которое усиливала молчаливая, но настойчивая кампания кузена Генри, старшего «от Эвелин», как их называли; Генри желал утвердить свое естественное право – он считал его естественным – распоряжаться на острове, потому что его мать всегда этим занималась. Тетя Эвелин хозяйничала. Эви могла высказывать свое мнение, но она была «от Джоан». Их было четверо против нее одной, и кроме того, как не уставал напоминать Генри, тетя Джоан, хоть и очень милая, никогда не руководила делами острова. Эви почти никогда не соглашалась с Генри, но тут он был прав. Ее мать никогда ни на чем не настаивала – за исключением одного: чтобы ничего не менялось.

До того дня, за неделю до ее смерти, когда Эви, зайдя в спальню матери, увидела, что та сидит в постели и держит в руке эту фотографию.

– Я хочу, чтобы меня похоронили на острове Крокетт, – сказала Джоан, повернувшись к дочери.

– Хорошо, – с трудом произнесла Эви. Тогда впервые было проговорено, что мать умирает.

– На краю площадки для пикников.

Эви поставила поднос на кровать.

– И на камне должна быть надпись: «Здесь».

– «Здесь»? – удивилась Эви. – Не «Джоан Милтон»?

– «Здесь», – повторила мать. – Одно слово.

– Ладно, – с трудом произнесла Эви. – Но почему?

Джоан повернулась и пристально посмотрела на дочь – как будто, чувствовала Эви, не до конца в ней уверена.

– Но я же тебе говорила. Уже говорила.

Что она ей говорила? Эви ничего не понимала. Когда?

– Обещай мне, Эви.

– Обещаю, – ответила она. – Я все сделаю, мама.

– Эвелин это не понравится, – заметила мать.

– Тетя Эвелин мертва, – тихо сказала Эви.

Джоан кивнула, поставила фотографию к лампе на прикроватной тумбочке, сложила руки на выцветшем шелковом покрывале у себя на груди и закрыла глаза.

Тогда ей легко было сказать: «Обещаю. Я все сделаю, мама». Легко, просто и правильно. Но теперь ничто не было легким, простым и правильным.

– Мама?

– О господи! – воскликнула Эви резче, чем хотела. – Сет, а ты не мог бы подойти ко мне, а не кричать с другого конца Бликер-стрит?

Ее сын появился в двери своей комнаты – шесть футов роста, на широком плече рюкзак с его вышитым именем, который он носил с пятого класса. Она улыбнулась. Он улыбнулся ей в ответ – пятнадцатилетний парень во всем своем великолепии и очаровании – и сквозь мужское тело еще сиял мальчик.

– Я в библиотеку.

Эви кивнула.

– Деньги у тебя есть?

– Ага. На связи.

Она откинулась на спинку стула.

– В смысле пока.

– Я знаю, что означает это выражение.

– Ладно. – Он выскользнул в коридор. – А Бликер-стрит гораздо длиннее.

– Подожди! – крикнула она ему вслед, улыбаясь. – Я тебя подвезу.

Он остановился, вскинул голову, и на его лице появилась удивленная ухмылка, совсем как у Пола.

– Правда?

Она кивнула.

– Я сейчас.

Сет бегом спустился по ступенькам, и его кеды скользили по линолеуму с тем особенным, резким, высоким звуком, от которого в памяти всегда всплывал урок физкультуры со свистками учителя.

– Знаешь, мама, что профессор Конклин сказал нам вчера? – Он ждал ее внизу.

– Что?

– На все главные вопросы физики уже получен ответ, – радостно объявил Сет и потянул на себя входную дверь.

Эви посмотрела на него:

– Это ужасно.

– Это прогресс.

– И что это значит для физики?

– Это значит, что мне не нужно ее учить. Ну правда, зачем мне заниматься физикой, раз она закончилась?

– Вряд ли совсем закончилась.

– Совсем, мама. – Он ухмыльнулся. – В любом случае я смогу использовать свободную пару для домашней работы. И у меня будет больше времени на русский, а потом я смогу сказать, что говорю на двух реально сложных языках.

«А потом», – подумала Эви, разглядывая его. Машина была припаркована в случайном месте в конце квартала – свидетельство того, что мысли Эви были заняты другим. «А потом» вытягивалось в длинную, насыщенную жизнь. Сначала одно, потом другое. Она села за руль. Каждый день что-нибудь будет происходить, каждый день что-то новое. И потом, и потом. Она помнила это настойчивое стремление двигаться все дальше и дальше. Эви влилась в поток машин и перестроилась в полосу для поворота. Все стремились к какому-то неизвестному, прекрасному концу.

На пешеходном светофоре загорелся зеленый, и Эви ждала, положив руку на рычаг переключателя скоростей, пока дорогу перейдет пожилая женщина. Юбка, жакет, сумки с продуктами в руке. Сначала Эви не обратила на нее внимания, высчитывая, когда можно тронуться с места и повернуть так, чтобы не испугать женщину и не выглядеть невежливой. Сет на пассажирском сиденье смотрел прямо перед собой. Женщина ступила на проезжую часть, не отрывая глаз от светофора, и медленно пошла на противоположную сторону, стремясь перейти улицу в один прием, не останавливаясь, хотя Эви видела, каких усилий это ей стоит. В ее гостиной, подумала Эви, наверное, есть кресло или другая опора, у которой можно немного отдохнуть. Минетта-Лейн, все ее тридцать футов, были для женщины огромным расстоянием, которое требовалось преодолеть, прежде чем сменится сигнал светофора.

– Какая отвага, – пробормотала Эви.

Сет вопросительно посмотрел на нее.

– Нужно немалое мужество, чтобы каждое утро вставать и выходить в этот мир, когда ты стар или болен.

– Знаю, мама.

– Я серьезно.

– Знаю, мама, – ласково повторил Сет. – Ты говорила.

К глазам вдруг подступили слезы.

– Правда?

Она сидела в машине рядом с сыном, ждала – и вдруг осознала: эта женщина впереди на дороге движется так же, как Джоан в последний год ее жизни, прежде чем они поняли, что рак оплел ее кости и тянет назад, замедляя движения.

Сет кивнул. Машина позади них просигналила. Женщина почти преодолела половину пути – оставалось чуть-чуть. «Давай, – услышала Эви свой шепот. – Не останавливайся». Это было невыносимо. Сколько ей лет? Может, она не была такой уж старой. Может, просто больной. А где ее семья? Машина сзади снова просигналила.

– Мама!

Эви открыла дверцу, выскочила на дорогу, подбежала к женщине и протянула руку, чтобы взять у нее сумки – не раздумывая, не обращая внимания на водителя позади, который теперь сигнализировал непрерывно.

Женщина, которая оказалась гораздо старше, чем думала Эви, остановилась и посмотрела на нее.

– Эй! – крикнул водитель, высунувшись из окна.

– Давайте помогу? – Эви указала на сумки.

Женщина опустила взгляд и молча передала сумки. Если бы Эви могла, она подхватила бы старушку и пронесла остаток пути, чтобы та быстрее оказалась в безопасности.

– Держитесь. – Она подставила локоть.

Женщина медленно взяла ее под руку. Держа сумки с продуктами в одной руке, Эви повернулась к ней, и они медленно преодолели последние десять футов. Эви оценивала ситу-

ацию: дверца ее машины широко распахнута, Сет, обернувшись, смотрит на остановившийся за ними автомобиль и водителя, который что-то кричит. Она все видела и слышала, но сосредоточилась на том, чтобы доставить женщину на другую сторону.

Они ступили на тротуар.

– Спасибо, дорогая. – Женщина указала на сумки. – Вы так добры.

Эви кивнула и поспешила к машине. Ни разу в жизни она не делала ничего подобного для матери, ни разу. Она проскользнула на водительское сиденье, захлопнула дверцу, тронулась с места и поехала прочь, вперед, мимо женщины на тротуаре, которая теперь ждала на светофоре, чтобы перейти Шестую авеню.

– Мама?

– Все в порядке, Сет, – сказала Эви. А потом просто заплакала. Сын, напрягшись, сидел рядом. В молчании они свернули на Шестую авеню и двинулись в потоке машин на север. Ее мать мертва, но еще не похоронена. Сын смотрел прямо перед собой, по ее щекам текли слезы.

Эви шмыгнула носом. Женщина совсем не походила на мать, ни ростом, ни фигурой. За исключением почти детской сосредоточенности, когда она переходила улицу, решимости во что бы то ни стало добраться до места назначения. Никто тебя о таком не предупреждает. Никто не говорит: «Остерегайся эха. Остерегайся призраков».

– Мама, – подал голос Сет. – Все нормально?

Она кивнула и попыталась улыбнуться. У входа в библиотеку Сет выскользнул из машины, взбежал по каменным ступеням и быстро обернулся, чтобы взглянуть на мать, пока та не уехала. Их взгляды встретились через стекло, и он помахал ей.

Эви снова кивнула и наконец-то улыбнулась. Потом смотрела, как он поднимается по лестнице, распахивает массивную дверь и исчезает внутри. Ветер шелестел листьями двух старых кленов, которые часовыми застыли по обе стороны от входа.

Полгода назад, зимой, на деревьях все еще оставались листья, другие листья на тех же деревьях. Рак ее матери был агрессивен и безжалостен. Слишком сильный враг для такой уязвимой мишени.

Не обращай внимания.

«Она будет спать все больше и больше, а однажды перестанет пить, и тогда вы поймете, что она решила умереть».

Эви кивнула больничной медсестре, не желая выглядеть невежливой, но ей показалась абсурдной и слишком простой идея, будто умирающий так легко примирится со смертью. За окном опускались сумерки, в парке через дорогу сгущалась зимняя тьма, а ее мать становилась все бледнее и бледнее, и простыни покрывали ее белыми лужайками. Снег на снег, очень тихо – она сторонилась жизни до своего последнего утра, когда проснулась и широко раскрыла глаза, полные страха.

– Эви, – прошептала она. – Я умираю? Мне приснилось, что я умираю.

– Все в порядке, мама, – сказала Эви, глядя ей прямо в глаза. – Ты здесь.

Как бы хорошо ты ни заботился об умирающем, как бы ни старался находиться рядом каждый день, каждую минуту, в конечном счете он должен уйти, а ты остаться. И ты отмахиваешься от него. Лжешь.

Глава десятая

Дом нуждался в покраске. На ставнях не хватало планок. На гранитных плитах, служивших ступенями крыльца, курчавился мох. Но в сирени у парадной двери жужжали пчелы, а стрелы ирисов, на которых созрели семена, раскачивались на ветру вдоль низкого бордюра под окнами.

Огден постучал в деревянную дверь и подался вперед, прислушиваясь.

– Пошли, – сказал он, опустил задвижку, и все последовали за ним в пустую прихожую.

– Эй! – крикнул Огден. Китти потрогала балясину на серой крашеной лестнице, круто поднимавшейся на второй этаж. – Мистер Крокетт?

Никто не отзывался. Обитатели дома давно уехали отсюда. Обои над окнами гостиной висели бахромой, подоконники были усеяны дохлыми мухами. По углам стояли четыре массивных деревянных стула с торчащей набивкой – здоровьяки на закате жизни. В центре – выцветший круг серо-зеленого плетеного ковра. Все четверо прошли в столовую с длинным дубовым столом посередине. Ни стульев вокруг, ни ковра под ножками; этот основательный стол показался Китти брошенным. Боковые окна выходили на широкое поле, заросшее высокой тимофеевкой, покачивавшейся на ветру. В столовой было много дверей: в прихожую, в коридор, в нечто вроде кладовки и еще одна, снятая с петель, за которой виднелись ступени лестницы черного хода.

– Пахнет, как в амбаре, – сказала Присс.

У Китти не шли из головы мысли о Златовласке и трех медведях. Этот дом так явственно нес отпечаток хозяев. Так явственно хранил воспоминание о семье, о множестве семей, которые жили в этих комнатах. Где сейчас Крокетты? Свет из окон светлыми прямоугольниками ложился на крашеный пол. Китти прошла в кладовку, где на трех открытых полках стояли тарелки, а потом в темную кухню с крошечным окном на задний двор, без стекла. Из окна был виден огромный валун, похожий на спину белого кита.

Голоса остальных рассыпались по дому; сначала Огдена, потом Данка. Китти поднялась по узкой лестнице на второй этаж, проведя ладонью по истертому шишаку перил. В комнатах наверху стояли кровати с продавленными и рванными матрасами, плетеные кресла, фарфоровые умывальники; на окнах висели ветхие белые занавески. Раковину покрывал слой грязи, а когда Китти открыла кран, тот плюнул коричневой водой. Плюнул и тут же иссяк. В доме давно никто не ночевал. Но яркий, чистый свет полуденного солнца, проникавший через боковые окна и падавший на доски пола, действовал умиротворяюще. Дом ждал. Китти остановилась в центре одной из спален и представила свежеекрашенный остов кровати в углу, новенькие занавески на окне и тумбочку рядом с кроватью.

Она подвязала штору, медленно спустилась по черной лестнице в кухню и вышла на плоскую скалу за домом, где уже устроились Присс и Данк: прислонившись к коленям мужа, Присс вытянула скрещенные в лодыжках ноги. С другой стороны дома появился Огден с сумкой, в которой лежали бутылка и жестянка с сэндвичами.

– Воды в доме нет? – спросил Данк.

– Боюсь, я могу предложить ребенку только джин. – Огден поставил сумку на землю и достал из нее бутылку и четыре серебряные рюмки.

– Ладно. – Присс взяла наполненную Огденом стопку. – Всего капельку.

В тени дома, в тишине, они ели сэндвичи. Сверчки наигрывали свою мелодию. От жары и джина всех стало клонить в сон. Китти растянулась на траве.

Пальцы Огдена сомкнулись на ее ступне. Китти открыла глаза, приподнялась на локте и улыбнулась мужу. Он крепче сжал ее ногу. Она села прямо.

– Пойдем прогуляемся, – предложил он. – Эй, вы, двое, поднимайтесь.

– Идите, – сонно ответила Присс. – Я немного вздремну.

– Хорошо. – Огден вскочил, помог подняться Китти и, крепко держа ее за руку, повел прочь от дома к деревьям, окаймлявшим поле на краю лужайки.

Кладбище, которое они видели с яхты, располагалось на склоне холма по дороге к лесу, и они остановились у железной ограды вокруг четырех могил Крокеттов. Кто-то недавно скошил траву вокруг надгробий, отметила про себя Китти. *Руфус, кораблестроитель*, и его брат *Инкриз, капитан и фермер*, лежали в передней части крошечной площадки. А дальше, прямо за братьями, находились еще две могилы:

*Здесь лежит Луиза, 31 года,
умершая 31 августа 1840,
и двое ее детей, мертворожденных*

и

*Генри, р. 1846, ум. 1863
Геттисберг, Пенсильвания.
Далеко от дома*

Они постояли минутку, затем Китти взяла Огдена за руку, они повернулись и пошли через поле. Узкая тропинка привела их в прохладный лес, где в зеленых ветвях застревали солнечные лучи. Огден притянул жену к себе, обвил одной рукой ее плечи, и они зашагали рядом, переступая заросшие мхом корни, сухожилиями протянувшиеся поперек тропы.

Они уходили все глубже, прочь от Данка и Присс, от всего мира. Мох был таким плотным, что заглушал шаги, и они ступали по гранитным камням совершенно беззвучно. Китти показалось, что они вдвоем попали в другой мир, в густую, глубокую тьму, и, когда Огден на мгновение замешкался, она буквально задохнулась от желания закрыть глаза и почувствовать на губах его поцелуй. Остановить время.

Китти положила ладонь ему на грудь, а Огден поднес ее пальцы к губам и поцеловал. Другой рукой он привлек жену к себе, крепко прижал, и она улыбнулась, почувствовав в его дыхании запах джина.

Он уткнулся лицом ей в шею и потерялся об нее. Со слабой улыбкой она отдалась его поцелуям. Огден становился все настойчивее, крепче сжимал ее в объятиях.

Она улыбнулась:

– Огден.

– Идем, – хрипло прошептал он и потянул ее дальше.

Впереди, между поредевших деревьев она увидела полуденный свет, отскакивавший от воды. И здесь тропинка обрывалась. Они стояли, держась за руки, на краю ровной поляны, которая спускалась к гранитной отмели. Начинаясь отлив, и вода тихо плескалась о камни. С этих гигантских камней можно было соскользнуть в море, а затем выбраться из него – сквозь черный ободок мидий, уже выступавший из воды.

Огден потянул ее назад, под редкий навес опушки леса, под сосны.

– Давай сделаем маленького островитянина.

– Здесь? – Китти улыбалась.

Он обхватил ее талию ладонями и притянул к себе.

– Здесь, – сказал Огден и медленно высвободил ее блузку из брюк; она подняла руки, позволяя ему стянуть хлопковую ткань через голову. – Китти.

Она кивнула, подчиняясь его губам, его рукам, которые расстегнули бюстгальтер, подставляя ее кожу воздуху. Китти расстегнула брюки, позволив им соскользнуть на землю, и стояла перед ним, закрыв глаза.

– Китти, – прошептал он, снимая с нее трусы и прижимая к себе. На нее нахлынуло все томление этого утра; она крепко зажмурилась, и окружающий мир словно перестал существовать.

Одно за другим к ней возвращались чувства. Ветерок обдувал их тела, принося запах моря. Они лежали рядом, и его рука покоилась на ее бедре, в пятнах солнечного света. Они покинули пристань в Рокленде, каким-то образом приплыли сюда, где мир отступил в сторону, и вернулись друг к другу.

Сверху доносился крик скопы, ветер шевелил верхушки деревьев. Сердце Огдена стучало рядом с ее сердцем.

Открыв глаза, Китти увидела, что Огден смотрит на нее.

– Здравствуй, милая, – тихо сказал он.

Она коснулась его лица.

– Обещай мне, – прошептал он, – обещай, что больше не покинешь меня.

Ее глаза наполнились слезами.

– Здесь начало нового, – шепотом произнес он, заправляя прядь волос ей за ухо. – Наше начало.

– Начало чего?

– Нашей жизни. – Он улыбнулся. – Всего. Всего прекрасного. Мы купим этот остров и начнем заново. – Он прижал ее к себе и, уткнувшись в ее волосы, стал шепотом рисовать картины будущего.

Мосс и Джоан научатся ходить под парусом и собирать мидии себе на ужин. Дети будут мечтать об этом месте всю зиму, шептал он, оно станет золотым самородком, который они будут хранить внутри, который сделает их Милтонами. А по приезде в начале каждого лета, когда они, выпрыгнув из лодки, будут стоять и смотреть на дом, и лодочный сарай, и обелиск на кладбище – все точно такое же, каким его оставили, – окажется, что они перехитрили Время. Совсем немного. И так будет снова и снова.

– Перестань. – Китти подняла глаза к небу. – Время невозможно перехитрить.

– Жизнь, – он коснулся ее щеки, – сильнее времени.

Китти повернула голову. Между деревьями поросшая травой поляна расстилала свою зелень к большим валунам. Огден звал ее вперед, оттаскивал за руку от минувшего года. От Недди. И она должна была выбрать. Вперед или назад. Это было яснее ясного – не какой выбор сделать, а что он необходим.

Кусочек ее сердца оторвался и упал вниз. Она повернулась и снова посмотрела на Ога.

Он наклонился, поцеловал ее в плечо, затем перекатился на бок, взял брюки, быстро натянул их и встал. Солнце сияло у него над головой, затемняя лицо.

– Пошли, – с улыбкой сказал он.

Кивнув, Китти села. Воздух охлаждал ее кожу. Она указала Огдену на отброшенную блузку, встала на колени и отыскала брюки. Рядом с ними лежала игрушечная машинка Недди; она выскользнула из кармана и устроилась во мху, желтое пятнышко среди зелени. Синица на ветке. Потерявшийся ребенок.

Огден опустил на землю рядом с Китти. На мгновение отец и мать замерли. Затем он осторожно склонился, подобрал машинку, нащупал руку Китти, повернул ладонью вверх, вложил машинку и сомкнул пальцы жены на желтом металле.

Сдерживая подступившие слезы, Китти вернула игрушку в карман брюк, надела блузку и молча застегнула ее. Затем встала, натянула брюки и застегнула молнию.

– Готова? – спросил Огден.

Китти посмотрела ему в глаза и кивнула. Он пальцем смахнул слезы с ее щеки. А потом они повернулись спиной к воде и, держась за руки, пошли в глубь острова сквозь деревья; оказавшись на неожиданно ослепительном солнце, супруги постояли там минутку. Никого не

было видно. Самый высокий карниз дома углом врезался в небо, и Китти вдруг показалось, что они отсутствовали несколько лет.

Огден сжал ее руку. Дверь кухни была открыта, и они вошли внутрь; Огден потянул за ручку, закрывая за собой дверь – уже бережно, уже с хозяйской заботой. Они миновали кладовку и столовую и вернулись в прихожую, которая, как теперь увидела Китти, была голубой, серовато-голубой.

– Боже, кто это там?

На дальнем краю лужайки у лодочного сарая Присс и Данк разговаривали с женщиной в узкой юбке и желтом кардигане.

Огден остановился за спиной Китти.

Она подняла на него взгляд.

– Огден?

Одним быстрым движением он распахнул дверь с проволочной сеткой и вышел на крыльцо. Дверь закрылась, загремев деревянной рамой.

Данк махнул рукой, указывая на дом, и женщина обернулась. Перепрыгивая через ступеньки, Огден сбежал на лужайку.

Женщина была миниатюрной, с узким лицом в обрамлении черных кудрей. Она подняла руку, прикрывая глаза от солнца; ее взгляд был прикован к Огдену.

Позади нее из лодочного сарая стремительно выбежал худенький, жизнерадостный мальчик, засмеялся и потянул мать за руку. Затем проскочил мимо нее на лужайку, упал в траву, перевернулся на спину и замер, скрестив руки на груди; его радостные вопли выплескивались из него волнами.

Китти взялась за ветку сирени, которая росла рядом с дверью; у нее затуманились глаза при виде резвого маленького мальчика в свете солнечных лучей, из которого фонтаном била радость.

– Мама! – позвал мальчик, лежащий у ног матери.

Но женщина не смотрела на него. Она не отрывала глаз от Огдена, который шел ей навстречу, протягивая руки. Она шагнула вперед.

Китти видела, как муж напрягся и на мгновение замешкался, и ей показалось, что эта женщина – тень на лужайке, которая чего-то требует, которая тянется к Огдену; и это чувство не исчезло, даже когда он шагнул ей навстречу, взял ее руку, притянул к себе, наклонился и поцеловал в щеку. Китти видела, что в его теле словно сжалась пружина. Они были знакомы, и близко знакомы.

Китти замерла в дверях дома, глядя поверх их голов на волны, шуршащие на гальке. «Начнем заново», – шептал он ей всего полчаса назад. Она вздрогнула.

Из лодочного сарая вышел Гарри Лоуэлл с корзинкой для пикника в руке; он двигался лениво и в то же время настороженно, с видом человека, который что-то затеял.

– Привет, Милтон.

Она не слышала, что ответил Огден.

Мальчик вскочил и снова побежал – ноги болтаются в коротких штанишках, руки в шотландском свитере широко раскинуты в стороны, – на этот раз прочь от матери, вверх по склону, к Китти.

«Нет, – мысленно умоляла она. – Нет, нет, уходи».

Но он бежал прямо на нее, радостный и свободный. Вверх и вперед, с низким рычанием, которое Китти сразу узнала. Самолет. Машина. Поезд. Посмотри на меня.

Мальчик внезапно замер, уставившись на нее – высокую женщину в дверях старого дома.

Такая же копна непослушных кудрей, как у женщины внизу. Расстегнутый воротник рубашки под зеленым шерстяным свитером.

– *Ich bin Willy*¹⁷.

Он был мельче и смуглее Недди. Не такой высокий. Но такое же жадное до жизни лицо. Такое же самозабвение...

– *Und*, – он повернулся и указал на женщину, – *das ist Mama*¹⁸.

Китти смотрела на него, не в силах вымолвить ни слова.

Мальчик повернулся и устремился вниз по склону, к Огдену и женщине. И тоска на лице Огдена, который смотрел на бегущего к нему мальчика, ударила Китти, словно пощечина.

Невыносимо было осознавать, что этот мальчик не Недди. Невыносимо видеть, что этот мальчик бежит по траве там, где должен быть Недди. Она опустила руку в карман брюк и нащупала машинку сына.

– Китти! – окликнул ее Ог. – Иди сюда, познакомься с Эльзой.

¹⁷ Я Вилли (нем.).

¹⁸ А это мама (нем.).

Глава одиннадцатая

Чуть старше Китти и, возможно, чуть старше Огдена, и вовсе не красавица, решила Китти. Невысокая. Вьющиеся волосы и подвижное, живое лицо, полное невысказанных эмоций, задумчивые темные глаза и смеющийся рот. От такой ничего не скроешь, отметила Китти. Пожимая ей руку, женщина окинула ее оценивающим взглядом.

– В точности, как они вас описывали, – улыбнулась ей Эльза.

– Кто «они»?

– Милтон, – Эльза покосилась на Огдена, – и Гарри.

– Мы с Эльзой старые друзья, – заметил Огден. – Я веду дела с ее отцом.

– Когда вы приехали? – спросила Китти.

– На прошлой неделе, – ответила Эльза, наблюдая, как Огден крепко обнимает Китти.

– Надолго?

– Нет.

– На сколько? – спросила Китти.

– Пока не выполню поручение отца, – сказала Эльза и перевела взгляд на скопу, парящую высоко в безоблачном небе.

– Не ожидал ее увидеть, – ответил Огден Данку, когда они вчетвером, уже вечером, удалялись от причала на яхте. Гарри и Эльза с сыном отплыли раньше. – Забыл, что Гарри ее знает.

Казалось, он полностью взял себя в руки. Того шока, который Китти ощутила, стоя в дверях, словно и не было. Китти смотрела, как он уверенно держит в руке грота-фал. И все же Огден был потрясен. Это было не сексуальное или романтическое переживание, а нечто иное. Эта женщина занимала какое-то место в сердце ее мужа.

– Рассказывай, – поторопила Присс Огдена. – Почему она здесь одна?

Огден повернул к себе румпель и склонился ниже гика, чтобы посмотреть на воду.

– Она замужем за евреем. Думаю, это связано с ее мужем... – объяснил Данк.

– Его арестовали, – сказал Огден.

– Постой. – Данк резко повернулся и посмотрел на него. – Бернхард Вальзер член партии.

Он глава «Немецкой стали».

Огден достал из кармана рубашки трубку и выбил ее о корпус яхты.

– Совершенно верно.

Парус трепетал над ними.

Китти наблюдала за Огденом, который с помощью румпеля пытался поймать ветер.

– В таком случае Хоффман должен быть в безопасности, – в голосе Данка явно сквозило беспокойство.

– Значит, этот маленький мальчик – еврей? – спросила Присс.

Огден кивнул:

– Чистокровный.

– Чистокровный? – Присс удивленно посмотрела на него. – Эльза еврейка?

– Ее мать была еврейкой. Но Вальзер ариец, – объяснил Огден. – С деньгами. И влиянием.

Так что она защищена.

– Этого недостаточно, Огден, – возразил Данк. – Эльза *Mischling*¹⁹.

– Будем надеяться, что все не настолько мрачно. – Огден сунул мундштук трубки в рот и посмотрел на Данка, явно встревоженный.

– Где теперь Хоффман?

¹⁹ Полукровка (нем.).

– В Заксенхаузене, – ответил Огден.

– Что это? – нахмурилась Китти.

– Центр предварительного заключения. Рядом с Берлином.

Данк посмотрел в глаза Огдену, и на его лице появилось страдальческое выражение.

– Этого будет недостаточно, Огден, – повторил он.

Китти нахмурилась. Ее кузен всегда любил драматизировать, даже слишком.

– Послушай, Данк. Ты всегда видишь черное там, где на самом деле всего лишь коричневое.

– Ты совершенно права. – Он с усмешкой повернулся к Китти. – Но в данном случае я предпочел бы коричневому черное.

– К повороту! – скомандовал Огден и повернул яхту к ветру. Они неслись вперед, рассекая волны, пока на мысу за деревьями не показалась крыша летнего дома Лоуэллов, окруженного другими коттеджами поселка на острове Норт-Хейвен.

Когда они, умывшись и переодевшись, вышли на большую веранду летнего дома Лоуэллов, уже смеркалось. Со стороны залива доносились гудки береговой сирены, а на вершинах елей повисли первые завитки вечернего тумана. Гарри помогал смешивать напитки своему отцу, Гарри-старшему, бодрому, полному жизни мужчине с широким лицом и подвижными бровями, которые разлетались в стороны и вверх, демонстрируя искренний интерес к собеседнику. Эльзы нигде не было видно.

– Что вам налить? – крикнул мистер Лоуэлл.

– Вермут. – Китти улыбнулась. – Со льдом.

– Огден? – спросил хозяин дома.

– Что-нибудь коричневое... – Огден взял Китти за руку. – И побольше.

– Настоящий мужчина, – одобрил мистер Лоуэлл и радостно повернулся к тележке с напитками.

Они образовали нечто вроде полукруга, лицом к морю: женщины – сидя в ротанговых креслах, мужчины – стоя возле них. Солнце опустилось еще ниже, прохладный ветерок теребил рукав платья Присс, поднимая и опуская его, словно мечтательный поклонник. Данк стоял рядом, положив ладонь на спинку ее кресла. За широкими водами залива виднелся материк.

Такой же широкий и многообразный, как фасад его летнего дома, Гарри Лоуэлл-старший лично раздобыл для Гарвардской библиотеки один из шести сохранившихся экземпляров Библии Гутенберга, первые сборники исторических пьес Шекспира, а совсем недавно – превосходно сохранившийся экземпляр первого издания «Анатомии меланхолии» Бертона. Теперь, оценив размах коллекции Вальзера для летней выставки, он пребывал в крайнем воодушевлении. Именно ему Эльза должна была передать библиотеку отца – и поэтому находилась в тот вечер в его доме, объяснил мистер Лоуэлл, передавая Китти вермут.

Китти удивленно подняла брови. Эльза приехала сюда вовсе не за этим. Даже она это понимала.

– Библиотеку ее отца?

– Боже мой, коллекция Вальзера – одно из лучших в Германии собраний редких рукописей. Разумеется, я о ней слышал, но никогда не видел. Нацисты очень толково делают себе рекламу перед летними Олимпийскими играми. Чтобы покончить с рассказами о зверствах.

– А почему они не устраивают это представление ближе к дому?

– Демонстрация коллекции – способ обезопасить ее, – сказал Огден.

– И поделиться ей со всем миром, – великодушно прибавил мистер Лоуэлл. – А, вот и вы, миссис Хоффман... и Вилли.

– Эльза, – поприветствовал ее Гарри, когда она вышла на веранду, держа Вилли за руку.

После ванны мальчика завернули в синий хлопковый халат, а на ноги надели мягкие кожаные шлепанцы такого же цвета. Приглаженные волосы, слабый запах мыла, исходивший от его тела, сияющая от тепла и мочалки кожа – все это было так знакомо, что Китти пришлось отвести взгляд. Эльза села в свободное кресло и взяла сына на колени, притягивая все взгляды, словно пламя костра.

Это было необычно. Неслыханно. Время коктейлей – не для детей.

– Вам неудобно, – заметила миссис Лоуэлл.

– Думаю, это самое удобное место на веранде, мама. – Гарри протянул Эльзе стакан. Она улыбнулась ему и взяла напиток.

– Но мальчику лучше лежать наверху, в постели, – не сдавалась миссис Лоуэлл. – Уже, наверное, пора.

– Пора, – согласилась Эльза, устремив взгляд на пожилую женщину. – Но он слишком напуган.

– Прошу прощения?

– После ареста отца, – Эльза откинулась на спинку кресла, – он не может заснуть один.

– Бедняжка.

– Знаете. – Мистер Лоуэлл покачал головой. – Будь я евреем, я сбежал бы оттуда как можно скорее...

– О боже, евреем!

– Ты бы не сбежал, папа, и ты это знаешь. Ты бы остался, чтобы сражаться.

– Мне хотелось бы так думать, – ответил мистер Лоуэлл. – Хотелось бы думать, что я поступил бы правильно.

– Правильным было бы, – впервые подал голос Данк, – надавить на Халла, чтобы открыть квоту для евреев.

– Совершенно верно, – согласился Гарри.

– Не получится, – покачал головой Огден. – Меньше пяти процентов нашего населения согласны с повышением квот.

– Но они же беженцы, а не иммигранты.

– Они евреи.

– Не все.

– Большинство, – сказал Огден. – А девяносто процентов коммунистов в Америке – евреи.

– Но при этом нельзя сказать, что девяносто процентов евреев – коммунисты, – возразил Гарри.

Огден покачал головой:

– Я знаю. И ты тоже. Но это не имеет значения, разве ты не понимаешь? Люди в это верят.

Вилли теснее прижался к матери, прислушиваясь к звукам чужого языка; его взгляд, словно мячик, перескакивал между говорящими, голова лежала на плече матери, шлепанцы свисали с ног.

– Зачем этим несчастным людям снова ехать в страну, где их встретят *недружелюбно*? – подала голос миссис Лоуэлл.

Гарри посмотрел на нее, словно не веря своим ушам:

– Недружелюбно?

– Знаю, дорогой, я просто хочу сказать, что им следует ехать туда, где им будут рады. Это несправедливо по отношению ко всем, а к евреям особенно.

– Я согласен с Гарри. – Данк сделал большой глоток и отставил стакан. – И я знаю, что, когда бизнес хочет чего-то добиться, когда нечто ему выгодно, он это получает. Я всего лишь маленький винтик в правительстве. В отличие, – он посмотрел на Огдена, – от тебя.

– Независимо от того, что хочет или что решил бизнес, в нашей стране люди настроены так. – Голос Огдена звучал бесстрастно. – Мы *не* гостеприимны. Рузвельт это знает. И не будет давить.

– Тогда вы должны надавить на него, – сказала Эльза.

Звон льда у Китти в бокале подчеркнул наступившую тишину.

– Никто не может надавить на Рузвельта. – Мистер Лоуэлл тяжело переступил с ноги на ногу. – Этот человек не будет плясать под чужую дудку.

– Как вы думаете, что может заставить вашего президента сменить мелодию? – спросила Эльза, глядя на Огдена.

– Ощущение угрозы, – задумчиво произнес Данк. – Для обычного американца.

– В этом нет нужды. Безумие скоро закончится. – Мистер Лоуэлл опустил кубик льда в свой стакан и повернулся к Эльзе. – В вашем правительстве слишком много хороших людей. Ваш отец – один из них. Мне он всегда нравился.

– Гитлер играет со всем миром, мистер Лоуэлл, – покачала головой Эльза. – Одной рукой подписывает мирные соглашения, а другой толкает нас к войне. Мы все это видим. Прямо перед собой. Он превосходный фокусник. – Ее голос дрогнул. – И мы не отводим глаза. Наоборот, мы пристально вглядываемся, не в силах поверить тому, что видим. Мы думаем, что зрение нас подводит.

– Как же так получается? – спросил Данк.

– Мы *хотим* обмануться. У людей снова есть хлеб. И работа. – Ее голос стал тише: Вилли закинул руки за голову и притянул щеку Эльзы к своей. Она негромко прибавила: – В этом его гениальность.

– Гениальность Гитлера: занять Рейнскую область, все время декларируя мирные намерения, – заключил Гарри.

– Тем не менее войну удалось предотвратить, – заметил Огден.

– Да, – согласилась Эльза, пристально глядя на него. – А теперь все сталелитейные заводы Рура в его руках.

Огден не отвел взгляда.

– Никто не хочет войны, – ответил он после секундной паузы.

Эльза аккуратно поставила стакан на столик.

– Значит, нам конец.

Внезапно Огден покинул собеседников и удалился в глубь веранды, присоединившись к мистеру Лоуэллу у тележки с напитками.

– Я не могу понять, почему люди не протестуют, – нахмурился мистер Лоуэлл.

– Есть много способов протестовать, – ответила Эльза, глядя на Огдена, стоявшего к ним спиной.

Огден не повернулся, но Китти показалось, что между ним и Эльзой словно натянулась струна. Что она имеет в виду?

– Фюрер говорит: «Я не диктатор. Я лишь упростил демократию», – процитировала Эльза.

– Блестяще, – выдохнул Данк рядом с Китти.

– Да, блестяще, – признала Эльза. – И в этом беда. Очень многие видят в нем только головореза. И не замечают гения. И поэтому все происходит быстро, без остановки. За несколько месяцев. Прямо у вас перед носом.

– Боже правый! – взволнованно воскликнула миссис Лоуэлл. – Вы же не хотите сказать, что это может случиться здесь?

– Прошу прощения, миссис Лоуэлл. – Эльза повернулась к ней со слабой улыбкой. – Но неверно думать, будто новости происходят где-то в другом месте. С другими людьми. Новости

– это всегда о вас. Вы просто должны поставить себя на их место. Должны понять, как... вы должны быть бдительны.

– Миссис Хоффман, у нас есть законы, которые защищают слабых. – Миссис Лоуэлл не собиралась сдаваться.

– Защищают. – Эльза помолчала, пристально глядя на пожилую женщину. Потом продолжила, и голос ее звучал тихо: – Кто защищает тех негров, которых выволакивают из тюрем и вешают на деревьях?

С таким же успехом она могла бы швырнуть бомбу, подумала Китти. Наступила потрясенная, внезапная тишина. Ужасная картина, *непроизносимая* – и вот она, прямо у них перед глазами.

– Но ведь это другое, совсем другое, – запротестовал мистер Лоуэлл.

– Разве? – спросил Гарри.

– Не надо поддевать собеседников, – с достоинством сказала миссис Лоуэлл. – Ты знаешь, что другое.

– Оставим это, – перебил ее мистер Лоуэлл. – Но, миссис Хоффман, человеку с вашим положением, с положением вашего отца не о чем беспокоиться...

– Нет, – печально улыбнулась Эльза. – Мой отец не беспокоится. Он верит в хороших людей.

– И это к добру, верно? – не отступала миссис Лоуэлл.

– В наши дни добро напугано, миссис Лоуэлл.

Огден наконец повернулся к ним, внимательно прислушиваясь.

– Слишком много разговоров, – сказала Эльза. – Так много разговоров. Но никто не *действует*.

На лице Огдена промелькнула тень раздражения. Наблюдая за ним, Китти впервые пришлось в голову, что ему, возможно, вовсе не нравится Эльза. Ее захлестнуло чувство облегчения. Это было чересчур. Эта женщина, обнимающая своего сына и рассуждающая о войне, явно переходила границы. Было совершенно очевидно, что Огден тоже так считает.

– И с каждым днем все становится проще, – тихо продолжала Эльза. – Теперь стало совсем просто. Повсюду только разрозненные, единичные акты героизма или трусости.

– А не может быть чего-нибудь без крайностей? – спросила Китти, переводя взгляд на Эльзу. – Промежуточного?

– Промежуточного? – с едва скрываемой насмешкой переспросила Эльза.

– Вы должны уехать, моя дорогая. Почему вы не уезжаете? – вступил в разговор мистер Лоуэлл, прежде чем Эльза успела ответить.

– Мы не можем оставить Германию нацистам.

Гарри вышел из тени и прислонился к арке веранды.

– Сейчас самое подходящее время, – сказала Эльза. – Сейчас, в разгар подготовки к Олимпиаде, когда призывы против евреев убираются с улиц, особенно вокруг стадиона, мы должны доказать его лживость, мы должны...

– Мы? – От волнения и неловкости Китти расплескала вермут на деревянный пол.

Эльза кивнула ей:

– Вы должны действовать.

– Действовать. – Китти раздраженно встала и покинула полукруг кресел, направившись к балкону. Солнце, подрагивая, висело прямо у гладкой поверхности воды. Эта женщина, сидящая там, и мальчик у нее на коленях, словно уголек, пылающий так настойчиво и жарко, – они угрожали беседе, веранде и этому часу, предназначенному для того, чтобы просто выпить коктейлей перед ужином.

С ножки Вилли соскользнула тапка, и Эльза не глядя молча надела ее обратно. Этому мальчику место наверху. Мальчику нужно лежать в постели. Он явно устал. И слишком мал. Китти заставила себя отвести взгляд.

– Не секрет, что Гитлер намерен вооружить страну, – продолжала Эльза. – Но понимаете ли вы, что это делается уже много лет? Отцовский завод давно выпускает спусковые механизмы для гаубиц.

Теперь все внимание было приковано к ней.

– А лафеты? – Огден скрестил руки на груди.

– В Дюссельдорфе.

– Стволы?

– В Эссене.

Что-то между ними решается, это очевидно, подумала Китти.

– Но как это возможно? – с удивлением спросил Данк.

– У Гейдриха есть система предупреждения, – объяснила Эльза, глядя на Огдена. – Перед приездом французских инспекторов на конвейеры запускают шпильки для волос и краны.

– Так-так, – сказал Огден.

– Хуже того, – она подалась вперед, – в прошлом месяце на заводе начали отливать маленькие пропеллеры для самолетов, которые приводятся в движение потоком воздуха и издают ужасающий звук.

– Для чего они?

Она умолкла, подбирая нужные слова.

– Каждый бомбардировщик «Штука» над Англией будет завывать...

– Англией? – переспросила Присс.

– Англия, – подтвердила Эльза. – Потом Россия.

– Есть доказательства? – спросил Огден.

Эльза медленно кивнула, глядя ему прямо в глаза.

Огден поморщился и отвел взгляд.

– Слышали? Жаль, я не могу добыть такие доказательства, – сказал Гарри. – Тогда бы мы приступили к делу, и началась бы эта война. Было бы правильным...

– Правильным, – сказала Китти, решительно шагнув к ним с края веранды, – будет прекратить разговоры и посмотреть на небо. Просто посмотрите, – настаивала она, заметив недовольство на лице Данка, охваченная желанием стереть его, спрятать в карман, как носовой платок. – Посмотрите вокруг.

Солнце замерло, перед тем как окончательно скрыться, и за верандой на краю лужайки над темной синевой вечернего моря разливалось золотое сияние, выплескиваясь на скалы. Гранит сверкал.

Китти почувствовала на себе взгляд Огдена, оглянулась и одарила его ослепительной улыбкой. Она не понимала, какую битву он ведет, но она будет сражаться вместе с ним. Эльза просила у него чего-то, что он не мог ей дать, что шло вразрез с его убеждениями. И Китти будет рядом. Она вернулась к нему. Она с ним – здесь и сейчас.

Огден улыбнулся, явно тронутый.

– Китти права, – сказал он и шагнул ей навстречу из глубины веранды.

– Китти не права, – добродушно заметила Присс, вставая и потягиваясь. – Но Китти сделала то, что она умеет лучше всего: увидела благо и красоту. А все остальное сейчас неважно.

– Внимание! – воскликнул Данк, поднимая бокал. – За благо и красоту. – Он одним глотком осушил бокал, поставил его на низкий столик, взял Присс за руку и повел на широкие ступени веранды, чтобы полюбоваться закатом.

Все молчали. Солнце медленно опускалось в черную бездну. Еще секунда – и оно исчезло. Солнце скрылось за морем, но оставило после себя такой горячий яркий шлейф,

что казалось, будто небо пламенеет розовым огнем, жарким и пышным, как роспись купола в барочном соборе.

Оглянувшись, Китти увидела, что Эльза положила руку на голову Вилли и что-то шепчет ему, почти касаясь губами его щеки.

Руки маленького мальчика обмякли, и он заснул на коленях у матери. Как же Китти тосковала по тяжести ребенка на своей груди. Как же ей хотелось обнять его.

– Пора приступать к омарам, Гарри, – сказала миссис Лоуэлл, вставая с кресла и направляясь в столовую. – Повар машет мне из коридора.

Мистер Лоуэлл принялся собирать бокалы и ставить их на тележку. За его спиной столовая постепенно наполнялась светом: миссис Лоуэлл обходила вокруг длинного и широкого стола, зажигая свечи. Служанка принесла огромную дымящуюся миску и поставила ее на край стола. Другая расставила хрустальные чаши с растопленным маслом. На блюде подрагивало томатное заливное. Над столом нависал деревянный сводчатый потолок, купол из соединенных в шпунт досок, словно комната находилась на верхней палубе шхуны. Большое зеркало в глубине столовой еще больше расширяло пространство вокруг стола.

– Гарри? – донесся голос миссис Лоуэлл из открытой двери.

Гарри с неохотой отлепился от стены.

– Я помогу, – предложил Огден и вошел в дом вслед за ним.

Эльза и Китти продолжали молча сидеть. Китти с трудом различала темные фигуры Присс и Данка, прижавшиеся друг к другу на неосвещенном краю веранды.

Служанка внесла дымящееся блюдо с красными омарами, поставила на приставной столик, и Гарри с Огденом надели фартуки, которые подала им вторая служанка. Огден что-то сказал, и Гарри повернулся к нему с одобрительной улыбкой. Двое мужчин были отчетливо видны в проеме застекленной двери. Гарри надел кухонные рукавицы и принялся отрывать хвосты от туловища. Огден молотком разбивал клешни.

– Это место идет Милтону, – задумчиво произнесла Эльза. – Только сейчас заметила.

Китти присела на низкую ограду веранды. Огден и правда хорошо вписывался, подумала она, хотя ей не понравилась непринужденная фамильярность Эльзы.

Какой-то человек с фонарем появился из-за дома, пересек темную лужайку и прошел сквозь зеленую изгородь. Китти смотрела, как между деревьями мелькает маленький огонек, удаляясь в сторону пристани. Она чувствовала, что Эльза за ее спиной тоже смотрит. Фонарик несли, судя по всему, до самого конца пристани. Потом вспышка – и над темным мерцанием воды появился второй огонек. Первый луч света двинулся в обратный путь, а второй остался сиять на дальнем конце пристани.

– Как здесь мирно и спокойно, – тихо сказала Эльза.

Человек с фонарем появился в дальнем конце сада и прошел по дорожке за дом. Фонарь на пристани продолжал гореть.

Тени на веранде стали еще гуще, и Эльза подвинула спящего у нее на коленях мальчика, теснее прижимая его к груди.

– Вы верите, что у каждого из нас есть только одна-единственная история, которой мы должны следовать? – спросила Эльза.

– Что-то вроде судьбы? – Китти повернулась к ней.

– Если хотите.

– Нет, – ответила Китти. – Не верю. Это слишком жестоко.

Эльза окинула ее взглядом и в задумчивости откинулась на спинку кресла.

– Хорошо, – прошептала она. – Это хорошо.

Китти смотрела на нее.

– Тогда Бог? – продолжила Эльза. – Всевидящее око сверху? Которое присматривает за всеми нами?

Китти покачала головой.

– Не верю, – призналась она.

Эльза с сочувствием посмотрела на нее:

– Из-за вашего ребенка?

– Моего ребенка? – Китти оцепенела.

Эльза кивнула.

– Никто не смотрит за нами. Нет заботливой руки. Никого нет. Только мы. Мы с вами это понимаем, правда?

«Нет, – возмущенно подумала Китти. – Вовсе нет». И что она имеет в виду, когда говорит *мы*? Не могло быть никаких *мы* с этой женщиной, которая все напирала и напирала, заставляя Огдена сделать что-то такое, чего он не хочет, – и держа маленького сына на руках.

Эльза продолжала испытующе смотреть на нее:

– Между тем вы весь вечер не спускали глаз с Милтона и с меня. Что же, по-вашему, вы увидели?

– Что вы опасны, – ответила Китти, вскинув голову.

Она совсем не то хотела сказать. А Эльза, вероятно, совсем не то ожидала от нее услышать, потому что у нее вырвался тихий понимающий смешок. Тем не менее Китти стало стыдно.

– Опасна? Я не опасна. Я не... нисколько.

Китти покраснела, невидимая в темноте.

– Омары готовы, – объявила миссис Лоуэлл, появившись на пороге веранды. – Все за стол.

Присс и Данк разомкнули объятия и вышли из тени к освещенной двери.

– Идете? – спросила Присс.

– Через минуту, – ответила Китти и, пытаясь взять себя в руки, повернулась спиной к Эльзе.

– Китти? Миссис Хоффман?

– Идем! – отозвалась Китти, но не двинулась с места.

За ее спиной скрипнуло кресло – Эльза наклонилась вперед.

– Я видела, как вы смотрели на Вилли.

У Китти перехватило дыхание. Потому что там был сонный Недди, который поворачивал голову на подушке в своей кровати. Недди говорил: «Спокойной ночи, мама». Это он спал у нее на руках.

– Возьмите его, Китти, – произнесла Эльза быстрым шепотом, подбросив эти три слова в тишине.

– Прошу прощения? – Китти повернулась к ней.

– Возьмите его. – Эльза протянула руку поверх своего сына и сжала локоть Китти. У нее было совершенно белое лицо. – Защитите его. Вы можете уберечь его от войны?

Войны? Потеряв дар речи, Китти стояла перед Эльзой.

– Но никакой войны нет, – услышала она свой голос.

– От войны, которая приближается и которая заберет нас всех, – настаивала Эльза. – Он такой же, как ваш.

Такой же? Китти замерла. Недди был белокурым и высоким, с улыбкой, которую он бросал в мир, словно монету, а этот мальчик совсем другой, темноволосый, худенький... и еврей.

– Но он не такой. Совсем не такой.

Две женщины смотрели друг другу в глаза.

– Где он будет спать? – спросила Китти.

– Где он будет спать? – растерянно повторила Эльза.

Китти вспыхнула.

– Мы с Огденом не смогли бы понять, как с ним себя вести. Наверняка вы предпочли бы отдать его людям, которые лучше знают, как воспитывать...

– О. – Эльза вздрогнула, как от удара. – *Вот* оно что. – Она крепче обхватила мальчика, словно Китти могла причинить ему боль, словно *она* была опасной.

И весь идиотизм прошедшего года, все ее ответы людям, которые воображали, что понимают, все, что она складывала, прятала и задвигала подальше, вместо того чтобы достать, вытряхнуть, выставить напоказ, – все это всколыхнулось в Китти, пока она смотрела на эту женщину, посмевающую вообразить, будто хоть что-нибудь знает о ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.